



Стивен Кинг

Воспламеняющая взглядом

«АСТ»

1980

Кинг С.

Воспламеняющая взглядом / С. Кинг — «АСТ», 1980

Энди Макги из любопытства согласился стать участником научного эксперимента, который проводила таинственная Контора. Очень скоро он с изумлением обнаружил, что может внушать другим свои мысли. Дочь унаследовала от Энди телепатический дар и – что куда опаснее! – у нее открылась способность к пирокинезу. Агенты вездесущей Конторы грубо вторгаются в жизнь семьи Макги, пытаясь использовать девочку для претворения в жизнь своих тайных замыслов. Спасая ребенка, Энди вместе с дочерью пускается в бега... Читайте Стивена Кинга – и вам станет по-настоящему страшно!

© Кинг С., 1980

© АСТ, 1980

Содержание

Нью-Йорк – Олбани	5
Лонгмонт, Виргиния: контора	42
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Стивен Кинг

Воспламеняющая взглядом

Нью-Йорк – Олбани

– Папочка, я устала, – глотая слезы, сказала маленькая девочка в красных брючках и зеленой блузке. – Давай отдохнем!

– Еще нельзя, малышка.

Крупный, широкоплечий мужчина в поношенном и измятом вельветовом пиджаке и гладких коричневых диагональных брюках и девочка, держась за руки, быстро шли по Третьей авеню в Нью-Йорке, почти бежали. Он оглянулся – зеленая машина медленно двигалась вдоль бордюра тротуара.

– Пожалуйста, папочка. Прошу тебя.

Он вдруг увидел, какое у нее бледное лицо. Под глазами – темные круги. Он поднял ее и взял на руки. Надолго ли его хватит? Чарли уже не пушинка, а он тоже устал.

Было пять тридцать пополудни, и Третья авеню кишела народом. Сейчас они находились где-то в районе Шестидесятых улиц, и здесь было темнее и не так многолюдно... Именно это и пугало его.

Они наскочили на даму, толкавшую перед собой полную продуктов тележку.

– Эй, вы! Смотрите под ноги! – крикнула она, уже теряясь в спешащей толпе.

У него устала рука, он пересадил Чарли на другую. Быстро оглянулся – зеленая машина по-прежнему следовала за ними на расстоянии в полквартиры. Двое на переднем сиденье, третий, наверное, сзади.

Куда же мне теперь?

Ответа на вопрос у него не было. От усталости и страха мысли путались. Знали, когда его подловить, сукины дети, знали, что делают. У него было одно желание – присесть на грязную кромку тротуара, выплакать отчаяние и страх. Но это не ответ. Ведь взрослый он. Ему следовало думать за них обоих.

Куда же нам теперь?

Отсутствие денег – может, самая большая проблема, если не считать людей в зеленой машине. В Нью-Йорке без денег делать нечего. Человек без денег теряется в Нью-Йорке, исчезает бесследно, будто затянутый в тряпину тротуара.

Он оглянулся – зеленая машина приблизилась; спина и ладони у него еще больше взмокли. Если они знают, если они действительно знают, как мало энергии в нем осталось, могут попробовать схватить его прямо здесь, несмотря на толпы людей вокруг. В Нью-Йорке, если несчастье не с тобой, а с кем-то другим, у тебя появляется какая-то странная слепота. «Наверно, они читали мое досье», – в отчаянии думал Энди. Если да, тогда – конец, остается только кричать. Когда у Энди заходились кое-какие деньги, странные вещи с ним как будто переставали происходить. Те странные вещи, которые их интересовали.

Не останавливайся, иди.

Слушаюсь, босс. Так точно, босс. Куда?

В полдень он оказался в банке – сработал его радар: снова это странное ощущение их дыхания за спиной. Денег, которые были у него в нью-йоркском банке, хватило бы им с Чарли на какое-то время. И вдруг – как странно – у Энди Макги не оказалось на текущем счету никаких сбережений. Осталась только бесполезная чековая книжка. Все, что было, будто растворилось в воздухе. И тогда он понял, что они действительно выбрали именно этот момент для удара. Неужели это решилось всего пять или шесть часов назад?

Но может, немного энергии все же осталось. Совсем чуть-чуть. Почти неделя прошла с того дня, когда слушатель курса «Поверь в себя» с навязчивой идеей самоубийства пришел на очередное вечернее занятие в четверг и начал с утрашающим спокойствием толковать о том, как покончил с собой Хемингуэй. А на выходе Энди, как бы невзначай обняв за плечи человека, охваченного идеей самоубийства, мысленно дал ему посыл. Теперь же он с горечью думал, стоило ли это делать. Ибо, похоже, именно ему и Чарли придется расплачиваться. Он надеялся, хоть...

Нет. Отогнал мысль прочь, испугавшись, почувствовав отвращение к себе. Не следует никому желать плохого.

Ну хоть чуточку, молил он. Всего-то, Боже, лишь малую малость. Лишь столько, чтобы вместе с Чарли выбраться из этого переплета.

И, о Боже, как ему пришлось бы расплачиваться... К тому же в течение месяца после этого он практически бездействовал бы, подобно радио с перегоревшей лампой. Может, в течение шести недель. А может, и в самом деле был бы мертв: бесполезный мозг сочился бы из ушей. А что же тогда было бы с Чарли?

Они шли по Семнадцатой улице, впереди светофор переключился на красный свет. Поток машин двигался по поперечной авеню, на перекрестке скапливались пешеходы. Внезапно он осознал, что именно здесь люди из зеленой машины могут схватить их. Живыми, если сумеют, конечно, но если запахнет жареным... им ведь, вероятно, рассказали и о Чарли.

Может, они и не хотят оставить нас живыми. Решили просто сохранить статус-кво. Как вы поступаете с нерешаемым уравнением? Стираете его с доски.

Нож в спину, револьвер с глушителем, а может, что-нибудь и еще более хитрое – капля редкого яда на конце иглы. Конвульсии на углу Третьей и Семнадцатой. Инспектор, у этого человека, похоже, сердечный приступ.

Ему необходимо попытаться собрать оставшуюся в нем малость энергии. Другого выхода просто нет.

Они дошли до стоявших на перекрестке пешеходов. На противоположной стороне упорно горели и казались вечными слова «НЕ ПЕРЕХОДИТЬ». Он оглянулся. Зеленая машина остановилась. Дверца открылась, и из машины вылезли двое в строгих костюмах. Они были молоды и гладко выбриты. Выглядели значительно свежее, чем Энди Макги.

Он попытался протолкнуться через толпу, судорожно ища глазами свободное такси.

– Эй, ты...

– Бога ради, парень!

– Осторожно, мистер, вы наступили на мою собачку...

– Извините... извините... – в отчаянии повторял Энди.

Он искал такси. Но его не было. В любое другое время улица была бы набита ими. Он чувствовал, что люди из зеленой машины приближаются к ним, готовые схватить его и Чарли, забрать их Бог знает куда – в Контору, к черту на рога, или сделать что-нибудь еще похуже...

Чарли положила голову ему на плечо и зевнула.

Энди увидел пустое такси.

– Такси! Такси! – закричал он, размахивая изо всех сил свободной рукой.

Те двое, сзади, отбросив всякое притворство, побежали.

Такси подъехало.

– Стой! – закричал один из них. – Полиция! Полиция!

Женщина где-то сзади вскрикнула, и толпа начала рассыпаться.

Энди открыл заднюю дверцу такси и посадил Чарли. Затем нырнул сам.

– Ла-Гуардиа, жмите, – сказал он.

– Стой, такси. Полиция!

Таксист повернул голову на голос, но Энди дал мысленный посыл – совсем небольшой. Боль кинжалом пронзила ему голову и тут же отпустила, оставив несильное ощущение, подобно утренней ноющей боли, – так бывает, когда отлежишь шею.

– Они, думаю, гонятся вон за тем черным в клетчатой кепке, – сказал он таксисту.

– Точно, – подтвердил водитель и спокойно отъехал от бровки, двинувшись по Восточной семнадцатой.

Энди оглянулся. Двое одиноко стояли на бровке тротуара. Остальные пешеходы явно чурались их. Один из тех двоих снял с пояса радиотелефон, заговорил. Затем они исчезли.

– А тот черный, – сказал водитель, – что он сделал? Думаете, грабанул винный магазин или чего еще?..

– Не знаю, – ответил Энди, пытаясь сообразить, как поступать дальше, как постараться выжать из этого таксиста большую пользу с наименьшей затратой энергии. Заметили ли они номер такси? Следует исходить из того, что заметили. Но они не захотят обращаться к полиции города или штата и по крайней мере какое-то время будут в замешательстве.

– Все они куча отребья, эти черные в городе, – сказал таксист. – Не говорите, сам скажу.

Чарли засыпала. Энди снял вельветовый пиджак, свернул, подложил ей под голову. Перед ним забрезжила слабая надежда. Если он правильно сыграет – дело может выгореть. Хозяйка Судьба послала ему слабака (не в обиду ему будь сказано). Он был из тех, кого, казалось, особенно легко подталкивать по нужной дорожке, – белый (азиаты по какой-то причине самые неподдающиеся), достаточно молодой (старые почти невосприимчивы) и среднего умственного уровня (умным давать мысленный посыл легче всего, глупым – труднее, а умственно отсталым – невозможно).

– Я передумал, – сказал Энди. – Отвезите нас, пожалуйста, до Олбани.

– Куда? – Водитель уставился на него в зеркало заднего вида. – Дружище, я не могу везти до Олбани, вы в своем уме?

Энди вытащил бумажник, в котором лежала однодолларовая купюра. Он благодарил Бога, что такси не с пуленепробиваемой перегородкой, мешающей общаться с водителем и имеющей лишь отверстие для расчетов. Непосредственный контакт всегда способствует даже мысленного посыла. Была ли в этом какая-то психологическая загадка или нет, сейчас не имело значения.

– Даю пятисотдолларовую, – сказал спокойно Энди. – Отвезите нас с дочкой в Олбани. Хорошо?

– Пять сотен! О Господи!

Энди вложил банкноту в руку таксиста и, когда тот опустил взгляд, сконцентрировавшись до предела, дал посыл. На какое-то мгновение его охватил страх, что ничего не выйдет, что просто ничего не осталось, что он истратил остаток энергии, заставив водителя увидеть несуществовавшего чернокожего в клетчатой кепке.

Затем наступило это ощущение – как всегда, сопровождаемое острой, словно удар стального кинжала, болью. В то же мгновение он почувствовал тяжесть в желудке и резкий спазм кишечника. Он неуверенно поднес руку к лицу, понимая, что сейчас наступит рвота или смерть. В этот краткий миг он предпочел бы умереть, как случалось всегда, когда он перенапрягался: прощальные слова *напрягайтесь, но не перенапрягайтесь* какого-то давным-давно слышанного диск-жокея болезненно отзывались в его голове. Если бы в такую минуту кто-нибудь вложил ему в руку револьвер...

Затем он взглянул на Чарли, спящую Чарли, Чарли, поверившую, что он вызволит их из этой передраги, как он вызволял из всех прочих, Чарли, уверенную, что, когда она проснется, он будет рядом. Да, из всех передраг – только на самом-то деле все они есть одна и та же чертова передрага: он и Чарли просто снова бегут. Безысходность приводила в отчаяние.

Голова ныть не переставала. Боль будет нарастать, нарастать, пока не превратится в давящий груз, с каждым ударом пульса пронзая острием голову и шею. Яркие вспышки заставят глаза беспомощно слезиться, и внутрь головы полетят огненные стрелы. Нос заложит, и ему придется дышать ртом. В висках словно дрель заработает. Небольшие шумы усилятся, обычные шумы станут похожи на грохот отбойных молотков, а громкий шум станет невыносимым. Головная боль будет нарастать до тех пор, пока не наступит ощущение, что его череп трещит в щипцах инквизитора. Такая боль продержится часов шесть или восемь, а может, и десять. На сей раз он не знал – сколько. Он никогда не давал посылы такой силы, зная, что энергия почти иссякла. И пока голова будет разламываться, он почти беспомощен. Чарли придется заботиться о нем. Слава Богу, она это уже делала... но тогда им везло. Сколько раз может повезти?

– Э, мистер, не знаю...

Это означало: он опасается нарушить закон.

– Наша сделка состоится, если только не скажете моей малышке, – сказал Энди. – Две последние недели она провела со мной. Должен вернуть ее матери к завтрашнему утру.

– Права на посещение, – сказал таксист. – Я про них все знаю.

– Видите ли, я должен был доставить ее на самолете.

– В Олбани? Самолетом компании «Озарк», да?

– Правильно. Ну, тут дело в том, что я смертельно боюсь летать. Знаю, звучит идиотски, но это так. Обычно я ее привожу на автомашине, но на сей раз моя бывшая жена полезла в бутылку и... Не знаю. – По правде говоря, Энди не боялся летать. Он выдумал эту историю тут же, на месте, и теперь деваться было некуда. Сказалось полное истощение.

– Я высажу вас в старом аэропорту Олбани, и мама будет думать, будто вы прилетели, правильно?

– Точно. – Голова его раскалывалась.

– К тому же, насколько знает мама, вы не смельчак-чак-чак, я прав?

– Да. – Чак-чак-чак? Что бы это значило? Боль становилась невыносимой.

– Пять сотенных, чтобы не лететь на самолете, – задумчиво повторял водитель.

– Мне не жалко, – сказал Энди и сделал еще одно последнее маленькое усилие. Очень спокойно, говоря почти что в ухо таксисту, добавил: – И вы не пожалеете.

– Слушайте, – произнес водитель сонным голосом, – я не отказываюсь от пяти сотен долларов. Не говорите, сам скажу.

– Хорошо, – сказал Энди и откинулся на сиденье. Таксист был доволен. Он не задумался над маловероятной историей Энди. Не задумался над тем, что семилетняя девочка гостит у отца две недели в октябре, когда занятия в школах в разгаре. Не задумался он и о том, что ни у одного из них не было даже ручной сумки. Он клюнул. Он получил внушение.

Теперь Энди предстояло расплачиваться за это.

Он положил руку на бедро девочки. Та крепко спала. Они были на ногах уже больше половины дня – с тех пор как Энди пришел в школу и вытащил ее из класса под каким-то надуманным предлогом... бабушка очень больна... позвонили домой... извините, что забирала ее среди дня. А подспудно он чувствовал большое, непередаваемое облегчение. Как он боялся, заглянув в класс мисс Мишкин, увидеть пустое место Чарли, аккуратно сложенные книги на парте: *Нет, мистер Макги... она ушла с вашими друзьями около двух часов назад... у них была записка от вас... разве что-нибудь не так?* Вновь наплывают воспоминания о Вики, внезапный ужас и пустой дом в тот день. Его сумасшедшие поиски Чарли. Потому что они уже однажды схватили ее.

Но Чарли оказалась на месте. На сколько он их опередил? На полчаса? Пятнадцать минут? Меньше? Ему не хотелось думать об этом. Они поели у «Натана» и всю вторую половину дня провели в движении – теперь Энди мог признаться самому себе, что тогда он нахо-

дился в состоянии панического ужаса, – ездили в метро, автобусах, но в основном двигались пешком. И сейчас она была измотана.

Он посмотрел на нее долгим, полным любви взглядом. Ее светлые льняные волосы достигали плеч, во сне она была просто красавицей. И так была похожа на Вики, что становилось больно. Он закрыл глаза.

На переднем сиденье водитель такси дивился пятисотдолларовой бумажке, которую дал ему этот чужак. Он спрятал ее в специальный карман на поясе, куда складывал все чаевые. Он не нашел странным, что этот тип на заднем сиденье разгуливал по Нью-Йорку с маленькой девочкой и пятисотдолларовой бумажкой в кармане. Не задумался он, как будет улаживать проблему с диспетчером. Все его мысли сосредоточились на том, как будет потрясена его девушка. Глиниис все время талдычит ему, что водить такси уныло и скучно. Ну подождем, пока она увидит унылую, скучную пятисотдолларовую купюру.

Энди сидел сзади, откинув голову и закрыв глаза. Головная боль приближалась, приближалась так же неумолимо, как черная лошадь, запряженная в катафалк, на похоронной процессии. Он уже слышал стук ее копыт в висках: цок... цок... цок...

Они бегут. Он и Чарли. Ему было тридцать четыре, и до прошлого года он преподавал английский язык и литературу в Гаррисонском колледже в штате Огайо. Гаррисон – сонный маленький городок при колледже. Добрый старый Гаррисон, самое сердце срединной Америки. Добрый старый Эндрю Макги, славный, видный молодой человек. Помните загадку? Почему фермер – видный столп общины? Потому что он всегда торчит на виду на своем поле.

Цок, цок, цок – черная лошадь с красными глазами двигается по коридорам его мозга, железные подковы выбивают мягкие серые комочки мозгового вещества, оставляя следы копыт – таинственные полумесяцы, наполненные кровью.

Таксист оказался слабаком. Определенно. Видный представитель племени водителей такси.

Энди задремал, и ему приснилось лицо Чарли. Оно превратилось в лицо Вики.

Энди Макги и его жена, прелестная Вики. Они выдернули ей ногти, один за другим. Она заговорила, когда выдернули четвертый. Так он по крайней мере предполагал. Большой палец, указательный, средний, безымянный. Затем: «Остановитесь! Буду говорить. Скажу все, что хотите знать. Перестаньте мучить. Умоляю!» И заговорила. Затем... возможно, это был несчастный случай... его жена умерла. Ну что же, кое-что, оказывается, сильнее нас обоих, а кое-что сильнее всех нас вместе взятых.

К примеру, Контора.

Цок, цок, цок – черная лошадь приближается, приближается, приближается; берегись: черная лошадь.

Энди спал.

И вспоминал.

Ответственным за эксперимент был доктор Уэнлесс. Толстый, лысеющий, он имел одну довольно странную привычку.

– Мы собираемся сделать каждому из вас, двенадцати, инъекцию, юные леди и джентльмены, – сказал он, кроша сигарету в пепельнице. Его маленькие розовые пальцы мяти тонкую сигаретную бумагу, высыпая мелкие крошки золотисто-коричневого табака. – Шесть инъекций – обычная вода. Еще шесть – вода с небольшой дозой химического вещества, мы называем его «лот шесть». Сам состав этого вещества засекречен, но в основном оно действует как снотворное, вызывая легкие галлюцинации. Так что, вы понимаете, мы будем вводить состав, пользуясь двойным слепым методом: до поры до времени ни вы, ни мы не узнаем, кто получил чистый препарат, а кто нет. За вашей группой будут внимательно наблюдать в течение сорока восьми часов после инъекций. Есть вопросы?

Их оказалось несколько, в основном о том, что именно входит в «лот шесть». Слово *засекречено* будто пустило ищеек по следу преступника. Уэнлесс довольно искусно парировал эти вопросы. Однако никто не спросил о том, что больше всего интересовало двадцатидвух-летнего Энди Макги. В тишине полупустого лекционного зала объединенного отделения психологии и социологии ему захотелось поднять руку и спросить: скажите-ка, почему вы так измочалили явно хорошую сигарету? Лучше не спрашивать. Лучше дать волю воображению, пока тянется эта скукота. Уэнлесс пытался бросить курить. Брат его умер от рака легких, и он как бы символически выражал свое отношение к табачной промышленности. В то же самое время это было похоже на нервный тик, которым профессора колледжей обычно эффектно бравируют, вместо того чтобы подавлять его. На втором курсе в Гаррисоне у Энди был преподаватель английского языка и литературы (сейчас его благополучно отправили на пенсию), постоянно нюхавший свой галстук во время чтения лекции об Уильяме Дине Хоуэллсе и расцвете реализма.

– Если вопросов больше нет, я попросил бы вас заполнить эти анкеты и явиться ровно в девять в следующий вторник.

Двое помощников из студентов-выпускников раздали фотокопии с двадцатью пятью довольно нелепыми вопросами, на которые надо было ответить «да» или «нет». *Лечились ли вы когда-нибудь у психиатра? – 8. Считаете ли вы, что когда-нибудь пережили настоящее психическое расстройство? – 14. Пользовались ли вы когда-нибудь галлюциногенными наркотиками? – 18.* После небольшого раздумья Энди подчеркнул «нет» в этом вопросе, подумав: *в нынешнем славном 1969 году кто не пользовался ими?*

Его навел на это дело Квинси Тремонт, сокурсник, в общежитии они жили в одной комнате. Квинси знал, что финансовое положение Энди оставляет желать лучшего. Шел май последнего года обучения, Энди заканчивал сороковым из курса в пятьдесят шесть человек, третьим по программе английского языка и литературы. Картошки на это не купишь, так он говорил Квинси, который специализировался по психологии. С началом осеннего семестра Энди предстояло занять место ассистента с зарплатой, которой вместе со стипендией кое-как хватило бы на хлеб с маслом, и продолжить занятия на выпускном курсе колледжа. Но все это предстояло осенью, а пока наступало летнее затишье. Лучшее, что он смог себе подыскать, была ответственная, захватывающая работа ночного дежурного на бензоколонке «Арко».

– Хочешь быстро заработать пару сотен? – как-то спросил его Квинси.

Энди отбросил длинные темные волосы со своих зеленых глаз, усмехнулся:

– В каком из мужских туалетов я получу концессию?

– Всего лишь психологический эксперимент, – сказал Квинси. – Правда, его проводит Сумасшедший доктор. Учти это.

– Кто он?

– Уэнлесс, большая сволочь. Главный шаман из отделения психологии.

– Почему его называют Сумасшедшим доктором?

– Ну, – сказал Квинси, – он потрошит крыс и вообще живодер. Ученый-бихевиорист. Нынче бихевиористов не очень-то любят.

– О, – заинтересованно произнес Энди.

– К тому же толстые маленькие очки без оправы делают его похожим на типа, который выжимал соки из людей в «Докторе Циклопе». Ты видел этот сериал?

Энди любил смотреть поздние передачи, видел сериал и почувствовал себя спокойнее. Однако он не был уверен, что имеет желание участвовать в экспериментах, которые проводит профессор, именуемый: а) потрошителем крыс и б) Сумасшедшим доктором.

– Они не пытаются выжимать соки из людей, пока те не усохнут, а? – спросил он.

Квинси искренне рассмеялся.

– Нет, этим занимаются мастера специальных эффектов при съемках второсортных фильмов ужасов, – сказал он. – Отделение психологии проводит испытания слабодействующих галлюциногенных препаратов. Работают в содружестве с американской разведывательной службой.

– ЦРУ? – спросил Энди.

– Не ЦРУ, не ОРУ и не НАБ, – сказал Квинси. – Более закрытое. Слышал ты когда-нибудь об учреждении под названием Контора?

– Может, встречал в воскресном приложении или еще где-то.

Квинси зажег свою трубку.

– Все они действуют примерно одинаково, – сказал он. – Психология, химия, физика, биология... Даже подкармливают специалистов по социологии. Ряд исследований субсидируется правительством. От брачного танца мухи цеце до возможности избавиться от использованных плутониевых брусков. Учреждение типа Конторы должно полностью расходовать свои ежегодные ассигнования, чтобы на следующий год получить такую же сумму.

– Мне это дерьмо не нравится, – заметил Энди.

– И должно не нравиться любому мыслящему человеку, – сказал Квинси со спокойной, умиротворяющей улыбкой. – А дело делается. Чего хочет наша разведывательная служба от слабодействующих галлюциногенов? Кто знает? Ни я. Ни ты. Может, сама не знает. Зато замечательно выглядят доклады в закрытых слушаниях комиссий конгресса, когда подходит время для возобновления бюджета... В каждом департаменте у них свои дрессированные собачки. Собачка в Гаррисоне – Уэнлесс из отделения психологии.

– А руководство колледжа не возражает?

– Не будь наивным, дорогой. – Он с удовольствием полностью раскурил трубку, и клубы вонючего дыма расползались по их похожей на крысиную нору комнате. Голос его зазвучал полнозвучно, с переливами, более решительно: – Что хорошо для Уэнлесса – хорошо для отделения психологии Гаррисона, которое на следующий год получит свое собственное помещение, не будет больше тесниться вместе с этими типами – социологами. А что хорошо для психов, хорошо для колледжа в Гаррисоне. И для Огайо.

– Думаешь, это безопасно?

– Они не испытывают препараты на студентах-добровольцах, если это опасно, – сказал Квинси. – Если есть хоть малейшее сомнение, они испытывают сначала на крысах, затем на заключенных. Будь уверен, то, что вольют в тебя, уже вливалось примерно тремстам испытуемым, их реакции тщательно запротоколированы.

– Не нравится мне это дело с ЦРУ.

– Тут Контора.

– Какая разница? – мрачно спросил Энди. Он взглянул на плакат, повешенный Квинси: Никсон был изображен у разбитой старой машины. Никсон ухмылялся и короткими пальцами обеих рук изображал V, означавшее победу. Энди с трудом верилось, что этого человека менее года назад избрали президентом.

– Я просто подумал, тебе не помешают две сотни долларов, только и всего.

– Почему они так много платят? – подозрительно спросил Энди.

Квинси всплеснул руками:

– Энди, это же правительственное мероприятие. Неужели не понимаешь? Два года назад Контора уплатила что-то около трехсот тысяч долларов за исследования взрывающихся велосипедов, чтобы пустить их в серию, – об этом печатали в «Санди таймс». Думаю, еще одна вьетнамская штука, хотя никто точно не знает. Как говаривал Фиббер Макги, «в свое время это казалось хорошей идеей». – Квинси быстрым, резким движением выбил трубку. – Для этих парней каждый колледж в Америке – один большой универмаг «Мейси». Купят здесь, поглазеют на витрины там. Но если ты не хочешь...

– Может, и хочу. А ты участвуешь?

Квинси улыбнулся. У его отца была цепь процветающих магазинов по продаже мужской одежды в Огайо и Индиане.

– Я не так уж нуждаюсь в двух сотнях, – сказал он. – И шприцы ненавижу.

– А-а.

– Слушай, я не уговариваю тебя, Боже упаси; просто у тебя слегка голодный вид. В любом случае всего половина шансов, что ты попадешь в подконтрольную группу. Двести монет за вливание воды. И даже, имей в виду, не водопроводной. *Дистиллированной*.

– Можешь устроить?

– Я ухаживаю за одной ассистенткой-выпускницей Уэнлесса, – сказал Квинси. – Они собрали около пятидесяти желающих, в большинстве это те, кто хочет выслужиться перед Сумасшедшим доктором...

– Перестань его так называть, пожалуйста.

– Тогда Уэнлессом, – засмеялся Квинси. – Он лично контролирует отсев лизоблюдов. Моя девочка проследит, чтобы твое заявление попало в нужную папку. А дальше, дорогой, разбирайся сам.

Энди подал заявление, когда на доске объявлений в отделении психологии появился призыв к добровольцам. Неделю спустя молодая ассистентка (приятельница Квинси, как понял Энди) позвонила ему по телефону и задала несколько вопросов. Он ответил ей, что его родители умерли, что у него нулевая группа крови, что он никогда не участвовал в экспериментах отделения психологии, что он в настоящее время действительно является студентом-выпускником в Гаррисоне, для точности – выпускник 69-го года. Разумеется, ему уже больше двадцати одного и он юридически правомочен вступать в любые соглашения с государственными организациями и частными лицами.

Неделей позже по внутренней почте он получил письмо с сообщением о приеме и предложением подписать анкету. «Пожалуйста, занесите подписанную анкету шестого мая в кабинет номер 100».

И вот он там, анкета вручена, истребитель сигарет Уэнлесс ушел (он и вправду смахивает на сумасшедшего доктора в фильме о Циклопе), вместе с одиннадцатью другими выпускниками он отвечает на вопросы о своих религиозных убеждениях. Не страдал ли он эпилепсией? Нет. Отец умер внезапно от инфаркта, когда Энди было одиннадцать лет. Мать погибла в автомобильной катастрофе, когда ему было семнадцать, – жуткое, мучительное воспоминание. Единственной близкой родственницей осталась сестра матери тетя Кора; она уже в годах.

Отвечая НЕТ, НЕТ, НЕТ, он двигался вниз по колонке с вопросами. Только на один вопрос ответил ДА. *«Были ли у вас когда-нибудь переломы или серьезные растяжения связок? Если ДА, уточните»*. В нужной графе он нацарапал, что сломал кость левой лодыжки, играя в бейсбол двенадцать лет назад.

Он просматривал свои ответы, двигая кончиком шариковой ручки вверх. В этот момент кто-то дотронулся до его плеча и девичий голос, мягкий, с небольшой хрипотцой, спросил: «Не дадите ли ручку, если освободилась? В моей кончилась паста». «Конечно», – сказал он, повернувшись и протягивая ручку. Симпатичная девушка. Высокая. Слегка рыжеватые волосы, восхитительный цвет лица. Одета в нежно-голубой свитер и короткую юбку. Стройные ноги. Без чулок. Будущая жена оценена вскользь.

Он передал ручку – она благодарно улыбнулась. Наклонилась – лампы на потолке медными огоньками отразились в ее волосах, небрежно стянутых сзади широкой белой лентой.

Он отнес анкету ассистентке в глубине комнаты.

– Спасибо, – сказала ассистентка запрограммированным голосом робота. – Кабинет номер семьдесят, утром в субботу, в девять часов. Пожалуйста, не опаздывайте.

– Какой пароль? – просипел Энди.

Ассистентка вежливо засмеялась.

Энди вышел из лекционного зала, пошел через вестибюль к большим двойным дверям (за ними наступающее лето зеленило двор, по двору бесцельно слонялись студенты) и тут вспомнил о своей ручке. Он махнул бы на нее рукой: всего-то девятнадцативатный «Бик», но ему еще предстояло писать перед началом последних экзаменов. Да и девушка симпатичная, может, стоило ее, как говорится, подкадрить. У него не было иллюзий ни относительно своей наружности и комплекции – довольно ординарных, – ни по поводу возможного статуса девушки (уже встречается или обручена), но день выдался замечательный, и у него было хорошее настроение. Решил подождать. По крайней мере еще раз глянуть на ее ноги.

Девушка вышла минуты через три-четыре, под мышкой – блокноты и какая-то рукопись. Она действительно была прелестна – Энди рассмотрел, что ноги стоили ожидания: не просто хороши – загляденье!

– А, вы здесь, – улыбаясь сказала она.

– Да, – произнес Энди Макги. – Что вы обо всем этом думаете?

– Не знаю, – сказала она. – Подруга говорит, что это постоянные эксперименты – в прошлом семестре она участвовала в одном из них с таблицами Дж. Б. Райна по передаче мыслей на расстояние, получила пятьдесят долларов, хотя почти ничего не отгадала. Вот я и подумала... – Она завершила мысль пожатием плеч и аккуратно откинула свои медные волосы назад через плечо.

– Я тоже ничего не знаю, – сказал он, беря свою ручку. – Ваша подруга на отделении психологии?

– Да, – ответила она, – и друг мой там. Он в одном из классов доктора Уэнлесса, но не попал в эксперимент: доктор не берет своих учеников.

Друг. Неудивительно, что высокая рыжеволосая красавица имеет друга. Так устроен мир.

– А как вы сюда попали? – спросила она.

– Та же история. Приятель в психотделении. Между прочим, я – Энди. Энди Макги.

– Я – Вики Томлинсон. Меня все это немного беспокоит, Энди Макги. Вдруг начнется какой-нибудь наркотический бред или что-то еще?

– По-моему, все довольно безобидно. Даже если это наркотик, что ж... наркотик в лаборатории – это не то, что можно подцепить на улице. Мягкого действия, вводится в спокойной обстановке. Может, они будут крутить музыку «Крим» или «Джефферсон эйрплейн». – Энди усмехнулся.

– Что вы знаете о ЛСД? – спросила она с легкой усмешкой, которая ему очень понравилась.

– Крайне мало, – признался он. – Пробовал дважды – впервые два года назад, а раз – в прошлом году. В некотором смысле я почувствовал себя лучше. Он прочистил голову... по крайней мере мне так показалось. После этого всякой дряни в голове вроде стало меньше. Но я не хотел бы привыкать к нему. Мне не нравится ощущение потери контроля над собой. Можно угостить вас кока-колой?

– Хорошо, – согласилась она, и они вместе пошли к зданию студенческого клуба¹.

Он купил две бутылки кока-колы, и они провели остаток дня вместе. Вечером выпили по несколько кружек пива в местной забегаловке. Оказалось, она хочет разбежаться с другом и не знает, как вести себя в этих обстоятельствах. Он, видимо, вообразил, что они уже женаты, рассказала она Энди, и категорически запретил ей участвовать в эксперименте Уэнлесса. Именно поэтому она не отказалась, подписала анкету и теперь готова на все, хотя и страшновато.

¹ В США студенческий клуб на территории студгородка представляет собой комплекс: собственно клуб, кафетерий и общежитие. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Этот Уэнлесс действительно смахивает на сумасшедшего доктора, – сказала она, рисуя пивной кружкой круги на столе.

– Как вам нравится фокус с сигаретами?

Вики хихикнула:

– Довольно странный способ бросить курить, а?

Он спросил, не зайти ли за ней утром в день эксперимента. Она охотно согласилась.

– Хорошо пойти туда вместе с другом, – сказала она и посмотрела на него ясными голубыми глазами. – Знаете, я действительно немного боюсь. Джордж был так – как это сказать? – *непреклонен*.

– Почему? Что он говорил?

– В том-то и дело, – сказала Вики. – Он, по сути, ничего не говорил, кроме того, что не доверяет Уэнлессу и вряд ли кто в отделении доверяет ему, но многие записываются на его опыты, потому что он руководит подготовкой выпускников. К тому же это безопасно: Уэнлесс своих учеников отсеивает.

Он потянулся через стол, коснулся ее руки.

– Как бы то ни было, мы оба, возможно, получим дистиллированную воду, – сказал он. – Не волнуйся, крошка. Все в порядке.

Оказалось, все совсем не в порядке. Совсем.

Олбани

аэропорт Олбани мистер

эй мистер приехали

Трясущая его рука. Голова болтается туда-сюда. Ужасная головная боль – Боже! Тупая, стреляющая боль.

– Эй, мистер, мы в аэропорту.

Энди открыл глаза, тут же закрыл перед ослепительным светом ртутного фонаря. Раздался чудовищный, ревущий вой, он нарастал, нарастал, нарастал. Энди содрогнулся от него. В уши словно втыкали стальные вязальные спицы. Самолет. Взлетает. Это дошло сквозь красный туман боли. О да, теперь все это доходит до меня, доктор.

– Мистер? – Таксист казался обеспокоенным. – Мистер, как вы себя чувствуете?

– Голова болит. – Голос его, казалось, звучит откуда-то издалека, погребенный под звуком милосердно затихающего реактивного двигателя. – Который час?

– Почти полночь. Движение замирает. Не говорите, сам скажу. Автобусов не будет, если вы собрались куда-то. Вас не отвезти домой?

Энди попытался вспомнить байку, рассказанную таксисту. Необходимо ее вспомнить, несмотря на головную боль. Стоит ему сказать что-то противоречащее тому, что он говорил раньше, и в голове таксиста возникнет вторичная реакция. Может, она пройдет сама собой, скорее всего пройдет, а может, и нет. Таксист ухватится за какой-то момент, заикнется на нем, подчинится этой мысли, а затем она будет просто разрывать ему мозг. Так уже случилось.

– Моя машина на стоянке, – сказал Энди. – Не беспокойтесь.

– А-а. – Таксист облегченно улыбнулся. – Знаете, Глин просто не поверит всему этому. Эй! Не говорите, сам...

– Конечно, поверит. Вы же верите, да?

Водитель расплылся в улыбке:

– У меня крупная купюра для доказательства, мистер. Спасибо.

– Вам спасибо, – сказал Энди. Трудно, но нужно быть вежливым. Трудно, но нужно продолжать. Ради Чарли. Будь он один, давно покончил бы с собой. Человек не приспособлен к такой боли.

– Вы уверены, что в порядке, мистер? У вас ужасно бледный вид.

– Все хорошо, спасибо. – Он стал будить Чарли. – Эй, ребенок. – Не хотел произносить ее имени. Может, зря, но осторожность, подобно дыханию, стала для него естественной. – Проснись, мы приехали.

Чарли что-то забормотала, попыталась увернуться от него.

– Давай, кукляшка. Проснись, малышка.

Веки Чарли, задрожав, поднялись и открыли ясные голубые глаза, унаследованные от матери, – она села, потирая лицо.

– Папочка? Где мы?

– Олбани, малышка, аэропорт. – И, наклонившись поближе к ней, он пробормотал: – Ничего больше не говори.

– Хорошо. – Чарли улыбнулась водителю такси, тот ответил улыбкой. Она выскользнула из машины, Энди, стараясь не споткнуться, последовал за ней.

– Еще раз спасибо, – сказал таксист. – Послушайте-ка, эй. Вы – замечательный пассажир. Не говорите, сам скажу.

Энди пожал протянутую руку:

– Будьте осторожны.

– Буду. Глин не поверит, что все это правда.

Таксист влез в машину и отъехал от кромки тротуара, окрашенной желтой краской. Еще один самолет взмывал в воздух, моторы ревели, Энди чувствовал, что его голова раскалывается пополам и готова упасть на тротуар, подобно пустой тыкве. Он споткнулся, и Чарли положила ладони на его руку.

– Ой, папочка, – сказала она. Голос ее доносился издалека.

– Войдем. Я должен присесть.

Они вошли – маленькая девочка в красных брючках, зеленой блузке и крупный сгорбившийся мужчина с растрепанными темными волосами. Какой-то служитель аэропорта посмотрел на них и подумал: это же сущий грех – бугай, бродит после полуночи, судя по всему, пьян как сапожник, с маленькой дочкой, ведущей его, как собака-поводырь, а ведь она давно должна спать. Таких родителей надо стерилизовать, подумал служитель.

Они миновали автоматически открывающиеся двери, и служитель совсем забыл о них, пока минут сорок спустя к бровке тротуара не подъехала зеленая машина, оттуда вышли двое мужчин и заговорили с ним.

Было десять минут первого ночи. В холле аэровокзала толпились ранние пассажиры: военнослужащие, возвращавшиеся из отпусков; суматошные женщины, пасущие потягивающихся, невыспавшихся детей; усталые бизнесмены с мешками под глазами; длинноволосые ребята-туристы в больших сапогах, у некоторых рюкзаки за плечами, одна пара с зачехленными теннисными ракетками. Радио объявляло прибытие и отправление самолетов, направляло людей туда-сюда, словно какой-то могущественный голос во сне.

Энди и Чарли сидели рядышком перед стойкой с привинченными к ней поцарапанными, с вмятинами, выкрашенными в черный цвет телевизорами. Они казались Энди зловещими, футуристическими кобрами. Он опустил два последних четвертака, чтобы их с Чарли не попросили освободить места. Телевизор перед Чарли показывал старый фильм «Новобранцы», а в телевизоре перед Энди Джонни Карсон наигрывал что-то вместе с Санни Боно и Бадди Хэккетом.

– Папочка, я должна это сделать? – спросила Чарли во второй раз. Она почти плакала.

– Малышка, я выдохся, – сказал он. – У нас нет денег. Мы не можем здесь оставаться.

– А те плохие люди приближаются? – спросила она, голос ее упал до шепота.

– Не знаю. – Цок, цок, цок – у него в голове. Уже не черная лошадь; теперь это были почтовые мешки, наполненные острыми обрезками железа; их сбрасывали на него из окна пятого этажа. – Будем исходить из того, что они приближаются.

– Как достать денег?

Он заколебался, потом сказал:

– Ты знаешь.

В ее глазах появились слезы и потекли по щекам.

– Это нехорошо. Нехорошо красть.

– Знаю, – сказал он. – Но и нехорошо нас преследовать. Я тебе это объяснял, Чарли. Или по крайней мере пытался объяснить.

– Про большое нехорошо и маленькое нехорошо?

– Да. Большее и меньшее зло.

– У тебя сильно болит голова?

– Довольно сильно, – сказал Энди. Бессмысленно говорить ей, что через час или, возможно, через два голова разболится так, что он не сможет связно мыслить. Зачем запугивать ее больше, чем она уже запугана. Какой смысл говорить ей, что на сей раз он не надеется уйти.

– Я попытаюсь, – сказала она и поднялась с кресла. – Бедный папочка. – Она поцеловала его.

Он закрыл глаза. Телевизор перед ним продолжал играть – отдаленный пузырь звука среди упорно нарастающей боли в голове. Когда он снова открыл глаза, она казалась далекой фигуркой, очень маленькой, в красном и зеленом, словно рождественская игрушка, одиноко танцующая среди людей в зале аэропорта.

Боже, пожалуйста, сохрани ее, подумал он. Не дай никому помешать ей или испугать ее больше, чем она уже испугана. Пожалуйста и спасибо, Господи. Договорились?

Он снова закрыл глаза.

* * *

Маленькая девочка в красных эластичных брючках и зеленой синтетической блузке. Светлые волосы до плеч. Невыспавшаяся. Очевидно, без взрослых. Она находилась в одном из немногих мест, где маленькая девочка может в одиночку незаметно бродить после полуночи. Она проходила мимо людей, но ее почти никто не замечал. Если бы она плакала, подошел бы дежурный и спросил, не потерялась ли она, знает ли она, на каком самолете летят ее мамочка и папочка, как их зовут, чтобы их разыскать. Но она не плакала, и у нее был такой вид, словно она знала, куда идет.

На самом деле не знала, но ясно представляла, что ищет. Им нужны деньги; именно так сказал папочка. Их догоняют плохие люди, и папочке больно. Когда ему так больно, ему трудно думать. Он должен прилечь и лежать как можно спокойнее. Он должен поспать, пока не пройдет боль. А плохие люди, вероятно, приближаются... Люди из Конторы, люди, которые хотят их разлучить, разобрать их на части и посмотреть, что ими движет, посмотреть, нельзя ли их использовать, заставить делать разные штуки.

Она увидела бумажный пакет, торчавший из мусорной корзины, и прихватила его. Потом подошла к тому, что искала, – к телефонам-автоматам.

Чарли стояла, глядя на них, и боялась. Она боялась, ибо папочка постоянно твердил ей, что она не должна делать этого... с раннего детства это было Плохим поступком. Она не всегда в силах контролировать себя и не делать плохих поступков, из-за которых может поранить себя, кого-нибудь еще, многих людей. Однажды...

(ох, мамочка, извини, тебе больно, бинты, мамин крик, она закричала, я заставила мамочку кричать, и я никогда снова... никогда... потому что это – Плохой поступок)

в кухне, когда она была маленькой... но думать об этом тяжело. Это был Плохой поступок, потому что, когда ты выпускаешь это на волю, оно добирается повсюду. А это так страшно.

Было еще и разное другое. Посыл, например; папочка так называл это – мысленный посыл. Только ее посыл оказывался гораздо более сильным, чем папочкин, и у нее никогда потом не болела голова. Но иногда после... вспыхивал огонь.

Слово, которым назывался Плохой поступок, звенело в ее голове, пока она стояла, нервно поглядывая на телефонные будки: *пирокинез*.

«Ничего, – говорил ей папочка, когда они были еще в Порт-Сити и как дураки думали, что в безопасности. – Ты – сжигающая огнем, милая. Просто большая зажигалка». Тогда это показалось забавным, она хихикнула, но теперь это совсем не выглядело смешным.

Другая причина, по которой ей не следовало давать свой посыл, – *они* могут обнаружить. Плохие люди из Конторы. «Неизвестно, что они сейчас знают о тебе, – говорил ей папочка, – но я не хочу, чтобы они обнаружили что-нибудь еще. Твой посыл – не совсем как мой, малышка. Ты не можешь заставить людей... ну, менять свое мнение, ведь правда?»

«Не-ет...»

«Но ты можешь заставить предметы двигаться. Если же они заметят что-то необычное и свяжут это с тобой, то мы попадем в еще больший переплет, чем сейчас».

Тут нужно украсть, а кража – тоже Плохой поступок.

Ничего. У папочки болит голова, им нужно попасть в тихое, теплое место, пока ему совсем не стало тяжело думать. Чарли шагнула вперед.

Там было около пятнадцати телефонных будок с полукруглыми скользящими дверьми. Быть внутри будки – все равно что в огромнейшей капсуле с телефоном внутри. Чарли видела, проходя мимо будок, – большинство темные. В одну втиснулась толстуха в брючном костюме. Она оживленно разговаривала и улыбалась. А в третьей будке от конца какой-то парень в военной форме сидел на маленьком стульчике при открытой двери, высунув наружу ноги. Он быстро говорил:

– Салли, слушай, я понимаю твои чувства, но я все объясню. Абсолютно. Знаю... Знаю... дай мне сказать... – Он поднял глаза и увидел, что на него смотрит маленькая девочка, втянул ноги внутрь и задвинул полукруглую дверь – все одним движением, как черепаха, убирающаяся в панцирь.

Спорит со своей подружкой, подумала Чарли. Учит уму-разуму. Никогда не разрешу мальчишке так учить меня.

Эхо гудящего громкоговорителя. Страх, разъедающий сознание. Все лица кажутся чужими. Она чувствовала себя одинокой и очень маленькой, сейчас особенно тоскующей по матери. Она шла на воровство, но имело ли это какое-либо значение? Они украли жизнь ее матери. Хрустя бумажным пакетом, она проскользнула в последнюю телефонную будку, сняла трубку с рычага, притворилась, будто разговаривает – привет, деда, да, мы с папочкой только что приехали, все в порядке, – и смотрела через стекло, не подглядывает ли кто-нибудь за ней. Никого. Единственным человеком поблизости была стоявшая спиной к Чарли чернокожая женщина, она получала из автомата страховку на полет.

Чарли взглянула на телефонный аппарат и вдруг передала ему приказ, толкнула его.

От усилия она бормотнула что-то и закусилась нижней губой, ей понравилось, как та скользнула под зубы. Нет, никакой боли она не почувствовала. Ей нравилось вот так толкать вещи, это обстоятельство тоже пугало ее. А что, если ей всерьез понравится это опасное занятие?

Она опять совсем слегка толкнула таксофон – из отверстия для возврата монет вдруг полился серебристый поток. Она попыталась подставить пакет, но не успела – большинство четвертаков, пятаков и десятицентовиков высыпалось на пол. Она наклонилась и, поглядывая через стекло, смела сколько смогла монеток в пакет.

Собрав мелочь, она перешла в следующую будку. В соседней все еще разговаривал тот же военный. Он снова открыл дверь и курил.

– Сал, клянусь Богом, я это сделал! Спроси хоть своего брата, если мне не веришь! Он...

Чарли плотно задвинула дверь, приглушив слегка ноющий звук его голоса. Ей было всего семь лет, но она чувствовала, когда лгали. Она взглянула на аппарат, и тот отдал свою мелочь. На сей раз девочка точно подставила пакет – монеты посыпались в него с легким мелодичным звоном.

Военный уже ушел, когда Чарли выскользнула из своей будки и вошла в его. Сиденье все еще было теплым, и в воздухе, несмотря на вентилятор, противно пахло сигаретным дымом. Деньги прозвенели в пакет, и она двинулась дальше.

Эдди Делгардо сидел в жестком контурном пластиковом кресле, посматривал на потолок и курил. Стерва, думал он. В следующий раз пусть хорошенько подумает, прежде чем откажет ему в постели. Эдди это, и Эдди то, и, Эдди, я никогда не захочу видеть тебя снова, и, Эдди, как ты можешь быть таким жесто-о-ким. Но он уже показал ей за это надоевшее я-не-хочу-видеть-тебя-снова. Он был в тридцатидневной увольнительной и теперь направлялся в Нью-Йорк поглазеть на виды Большого Яблока² и пройтись по барам для одиночек. А когда он вернется, Салли сама будет как большое спелое яблоко, спелое и готовое упасть. Никакое развези-меня-совсем-не-уважаешь не пройдет с Эдди Делгардо из Марафона, штат Флорида, и если она вправду верит бреду о том, что его стерилизовали, так ей и надо. Пусть бежит, если хочет, к своему захоластному братцу-учителю. Эдди Делгардо будет водить армейский грузовик в Западном Берлине. Он будет...

Течение полувозмущенных, полуприятных мечтаний Эдди было прервано каким-то странным ощущением теплоты, поднимающейся от ног: словно пол внезапно нагрелся на десять градусов. А вместе с этим ощущался какой-то странный, но вроде чем-то знакомый запах... не то чтобы что-то горело... может, что-то тлело.

Он открыл глаза, и первое, что увидел, была та девчушка, которая толкалась около телефонных будок, девчушка семи или восьми лет, выглядевшая порядком измочаленной. Теперь у нее в руках был большой бумажный пакет, она поддерживала его снизу, словно он был полон продуктов или чего-то еще.

Но все дело в его ногах.

Он чувствовал уже не тепло. Он чувствовал жар.

Эдди Делгардо посмотрел вниз и закричал:

– Боже праведный Иисусе!

Ботинки горели.

Эдди вскочил на ноги – головы повернулись в его сторону. Некоторые женщины в страхе завизжали. Двое охранников, болтавших с контролершей у стойки «Аллегени эйрлайнз», обернулись посмотреть, что там происходит.

Но все это не имело значения для Эдди Делгардо. Мысли о мести напрочь вылетели у него из головы. Его армейские ботинки весело горели. Начинали гореть обшлага зеленых форменных брюк. Он мчался по залу со шлейфом дыма, словно им выстрелили из катапульты. Ближе всего был женский туалет, и Эдди, обладавший поразительно развитым чувством самосохранения, с ходу протянутыми руками толкнул дверь этого туалета и, не колебавшись, влетел внутрь.

Из кабинки выходила молодая женщина. Придерживая задранную до пояса юбку, она поправляла нижнее белье. Увидев Эдди, полыхавшего как факел, она издала вопль, многократно усиленный кафельными стенами туалета. Из нескольких занятых кабинок раздалась

² Яблоко – символ Нью-Йорка.

возгласы: «Что там такое?», «В чем дело?». Эдди ухватил дверь в платную кабинку, прежде чем она захлопнулась, и ворвался внутрь. Он уцепился сверху за обе боковые перегородки, вбросил ноги в унитаз. Раздался шипящий звук, поднялся столб пара.

Влетели двое охранников.

– Стой, эй, ты, там! – закричал один из них. Он вытащил револьвер. – Выходи оттуда, руки на голову!

– Может, подождете, пока я вытащу ноги? – огрызнулся Эдди Делгардо.

Чарли вернулась. Она плакала.

– Что случилось, крошка?

– Я достала деньги, но... у меня опять вырвалось, папочка... там был, был... солдат... я не могла удержаться...

Энди почувствовал приступ страха – сквозь боль в голове и шее он дал себя знать.

– Опять огонь, Чарли?

Она не могла говорить, кивнула. По щекам текли слезы.

– О Боже, – прошептал Энди и заставил себя встать.

Это окончательно расстроило девочку. Она закрыла лицо руками и, раскачиваясь взад-вперед, беспомощно зарыдала.

У дверей женского туалета собралась толпа. Дверь была открыта настежь, но Энди не мог разглядеть... Затем он увидел. Двое охранников, прежде пробежавших туда, вели крепкого молодца в армейской униформе из туалета к своему отделению. Парень орал на них, и большая часть произносимого была виртуозно непристойной. Брюк ниже колен у него почти не было, а в руках он нес два почерневших предмета, которые раньше, вероятно, были ботинками, с них капала вода. Все трое вошли в отделение – дверь захлопнулась. В зале аэровокзала стоял возбужденный гомон.

Энди сел, обнял Чарли. Думалось с трудом; мысли походили на серебряных рыбок, плавающих в огромном темном море пульсирующей боли. Однако ему необходимо было сделать все возможное. Если они хотят выбраться из этой заварухи, ему нужна помощь Чарли.

– Он в порядке, Чарли. Все в порядке. Они его просто отвели в полицейский участок. Ну так что случилось?

Утирая высыхающие слезы, Чарли рассказала. Услышала разговор солдата по телефону. В связи с этим возникли какие-то беспорядочные мысли, чувство, что он хочет обмануть девушку, с которой разговаривает.

– А затем, когда возвращалась к тебе, я увидела его... и не могла остановиться... это случилось. Просто вырвалось... Я могла ему сделать больно, папочка. Я могла причинить ему сильную боль. Я его подожгла.

– Говори тише, – сказал он. – И слушай меня, Чарли. Думаю, что случилось самое обнадеживающее событие за все последнее время.

– Думаешь? – Она посмотрела на него с откровенным удивлением.

– Говоришь, это вырвалось у тебя, – сказал Энди, подчеркивая каждое слово. – Именно. Но не так, как прежде. Вырвалось лишь совсем немного. Это опасно, малышка, но... ты же могла сжечь ему волосы. Или лицо.

Она в ужасе отшатнулась, представив себе это. Энди снова ласково повернул ее к себе.

– Это происходит подсознательно и направлено на того, кто тебе не нравится, – сказал он. – Но... ты и вправду не навредила этому парню, Чарли. Ты... – Все куда-то исчезло, и осталась одна боль. Разве он продолжал говорить? На какое-то мгновение он перестал соображать.

Чарли по-прежнему чувствовала, как Плохой поступок вертится у нее в голове, норовя вырваться снова, сотворить что-нибудь еще. Он как маленький злобный и довольно глупый

зверек. Стоит лишь выпустить его из клетки, чтобы сделать что-нибудь вроде добывания денег из телефонов, и он может обернуться чем-то совсем ужасным,

(как с мамочкой на кухне, ох, мам, прости)

прежде чем загонишь его назад. Но сейчас это не имело значения. Сейчас она не будет думать об этом, она не будет думать об

(бинты, моя мамочка должна носить бинты, потому что я обожгла ее)

этом совсем. Сейчас важно, что с папой. Он как-то обмяк в кресле перед телевизором, лицо его искажено болью. Он бел как бумага. Глаза налились кровью.

Ой, папочка, думала она, если бы я могла, я поменялась бы с тобой местами. В тебе сидит что-то, оно причиняет боль, но никогда не вырывается из клетки. Во мне что-то большое, совсем не причиняет мне боли, но, ой, иногда так страшно...

– Я достала деньги, – сказала Чарли. – Я обошла не все телефоны: пакет стал тяжелым, боялась – прорвется. – Она озабоченно взглянула на него. – Что нам делать, папочка? Тебе нужно прилечь.

Энди медленно пригоршнями стал перекладывать мелочь из пакета в карманы своего вельветового пиджака. Он спрашивал себя, кончится ли когда-нибудь сегодняшняя ночь. Ему хотелось поймать другое такси, отправиться в город и попасть в первый понравившийся отель или мотель... Но он боялся. Такси могут выследить. У него сильное ощущение, что зеленая машина где-то поблизости.

Он попытался вспомнить все, что знал об аэропорте Олбани. Прежде всего это был аэропорт округа Олбани; по существу, он находился не в самом Олбани, а в городке Колони. Район секты трясун – разве дедушка не говорил ему когда-то, что это район трясун? Может, они уже повымерли? А как насчет шоссе? Автострад? Ответ приходил медленно. Была тут одна дорога... какая-то «уэй». Нортуэй или Саутуэй, подумал он.

Открыл глаза, взглянул на Чарли:

– Сможешь идти, детка? Пару миль?

– Конечно. – Она поспала в такси и чувствовала себя сравнительно бодрой. – А ты?

В этом вопрос. Энди не знал.

– Попробую, – сказал он. – Мне кажется, мы должны выйти на главную дорогу и поймать машину, малышка.

– Проголосовать? – спросила она.

Он кивнул:

– Выследить уехавшего на попутной машине довольно трудно, Чарли. Если повезет, кто-нибудь подхватит нас, а к утру уже домчит до Буффало. Если нет, мы будем стоять на обочине и голосовать, пока не появится зеленая машина.

– Если так надо, – проговорила нерешительно Чарли.

– Давай, – сказал он, – помоги мне.

Энди поднялся на ноги – сильнейший удар боли. Покачнулся, закрыл глаза, снова открыл. Люди выглядели нереальными. Цвета казались чересчур яркими. Мимо прошла женщина на высоких каблуках, и каждый их стук по плитам пола походил на звук захлопывающегося стального сейфа.

– Папочка, ты правда сможешь? – Ее голосок звучал слабо, испуганно.

Чарли. Но Чарли выглядела нормально.

– Думаю, смогу, – сказал он. – Пошли.

Они вышли в другую дверь; служащий аэропорта, заметивший их, когда они вылезали из такси, на сей раз был занят разгрузкой чемоданов из грузовика. Он не видел, как они вышли.

– В какую сторону, папочка? – спросила Чарли.

Он посмотрел в обе стороны и увидел Нортуэй, огибающую здание вокзала ниже и справа. Но как попасть туда – вот вопрос. Повсюду тянулись дороги – сверху, снизу знаки:

ПРАВЫЙ ПОВОРОТ ЗАПРЕЩЕН, ОСТАНОВКА ПО СИГНАЛУ, ДЕРЖИТЕСЬ ЛЕВЕЕ, ПАРКОВКА ЗАПРЕЩЕНА В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ. Огни светофоров, словно встревоженные призраки, мигали в предутренней темноте.

– Думаю, сюда, – сказал он. Они прошли вдоль вокзала по вспомогательной дорожке со знаками ТОЛЬКО ПОГРУЗКА И РАЗГРУЗКА. Тротуар кончился в конце вокзала. Мимо них равнодушно промчался большой серебристый «мерседес», отраженный блеск ртутных светильников на его поверхности заставил Энди вздрогнуть.

Чарли вопросительно посмотрела на него.

Энди кивнул:

– Идем дальше, в сторону. Тебе не холодно?

– Нет, папочка.

– Слава Богу, ночь теплая. Твоя мама...

Он не мог говорить.

И они ушли в темноту – крупный широкоплечий мужчина и маленькая девочка в красных брючках и зеленой блузке, державшая его за руку, словно поводырь.

Зеленая машина появилась минут пятнадцать спустя и остановилась рядом с желтой кромкой тротуара. Из нее вышли двое – те самые, что преследовали Энди и Чарли до такси в Манхэттене. Водитель остался за рулем.

Подошел охранник аэропорта.

– Здесь стоять нельзя, сэр, – сказал он. – Если вы проедете ту...

– Мне можно, – ответил водитель. Он показал охраннику удостоверение. Тот взглянул на него, посмотрел на водителя, затем на фотокарточку в удостоверении.

– А, – сказал он. – Извините, сэр. Нам что-то нужно знать в связи с этим?

– Ничего, что касалось бы охраны аэропорта, – сказал водитель, – но вы можете помочь. Видели сегодня кого-нибудь из этих двоих? – Он протянул охраннику фотографию Чарли. На фото волосы заплетены в косички. Тогда была жива ее мать. – Теперь девочка на год старше, – объяснил водитель. – Волосы у нее короче. Примерно до плеч.

Охранник вглядывался, вертя фотографию в руках.

– Знаете, кажется, я видел эту девочку, – сказал он. – Она светловолосая? По фото трудно сказать...

– Верно, светловолосая.

– Мужчина – ее отец?

– Не спрашивайте, и я не буду вам врать.

Аэропортовский охранник испытывал прилив неприязни к этому нахальному молодцу за рулем непримечательной зеленой машины.

Ему случалось иметь дело с ФБР, ЦРУ и учреждением, которое называли Конторой. Агенты походили друг на друга: откровенно наглые, с начальственными манерами. Они смотрели на человека в синей форме как на игрушечного полицейского. Однако, когда пять лет назад тут угнали самолет, именно «игрушечные» полицейские захватили типа, увешанного гранатами, и он находился под охраной «настоящих» полицейских, когда покончил с собой, вскрыв ногтями сонную артерию. Вот так-то, ребята.

– Послушайте... сэр. Я спросил, не отец ли он ей, ища портретного сходства. Эти снимки не дают повода думать так.

– Они, кажется, немного похожи. Различаются цветом волос.

Это я вижу и без тебя, кретин, подумал аэропортовский охранник.

– Я видел их, – сказал он водителю зеленой машины. – Он – крупный мужчина, больше, чем на снимке, вроде больной или что-то подобное.

– Правда? – удовлетворенно сказал водитель.

– Вообще у нас сегодня ночь. Какой-то болван ухитрился поджечь собственные ботинки. Водитель так и подскочил за рулем:

– Что ты сказал?

Аэропортовский охранник кивнул, довольный, что выражение скуки на лице водителя как рукой сняло. Он не был бы так доволен, скажи ему водитель, что он сию минуту сам напросился на допрос в манхэттенском отделении Конторы. А Эдди Делгардо, вероятно, вышиб бы из него все потроха, потому что вместо посещения баров для одиноких (а также массажных заведений и порнографических магазинчиков на Таймс-сквер) во время яблочных дней своего отпуска ему предстояло провести эти дни одурманенным лекарствами, в состоянии полной отключки, рассказывая снова и снова, что случилось до и сразу после того, как загорелись его ботинки.

Другие двое из зеленого автомобиля разговаривали со служащими аэропорта. Один из них нашел служащего, видевшего, как Энди и Чарли вылезали из такси и входили в здание вокзала.

– Они. Я еще подумал: стыдно пьяному мужику таскать с собой маленькую девочку так поздно.

– Может, они сели в самолет? – предположил один из двух мужчин.

– Может, и сели, – согласился служащий. – И что думает мать ребенка? Знает ли она, что происходит?

– Сомневаюсь, – сказал мужчина в темно-синем шерстяном костюме. Он говорил убежденно. – Вы не видели, как они ушли?

– Нет, сэр. Насколько я понимаю, они еще где-то тут... если, конечно, не был объявлен их рейс.

Двое быстро обежали главный вестибюль, затем прошли сквозь выход на посадку, держа в руках удостоверения так, чтобы охранники могли их видеть. И встретились у стойки «Юнайтед эйрлайнз».

– Пусто, – сказал первый.

– Думаешь, сели в самолет? – спросил второй, в добротном темно-синем шерстяном костюме.

– Не думаю, что у сукина сына больше пятидесяти долларов за душой... а может, и того меньше.

– Проверим?

– Да. Но быстро.

«Юнайтед эйрлайнз». «Аллегени». «Америкэн». «Брэнифф». Местные авиалинии. Никто не видел, как широкоплечий мужчина, выглядевший больным, покупал билеты. Правда, грузчик «Олбани эйрлайнз» вроде видел маленькую девочку в красных брюках и зеленой кофточке. Симпатичные светлые волосы до плеч.

Двое встретились в креслах перед телевизорами, где еще недавно сидели Энди и Чарли.

– Что ты думаешь? – спросил первый.

Агент в шерстяном костюме был явно встревожен.

– Нам следует перекрыть весь район, – сказал он. – Думаю, они идут пешком.

Почти бегом двое направились к зеленой автомашине.

Энди и Чарли шли в темноте вдоль плавного изгиба вспомогательной дорожки аэропорта. Иногда мимо проскакивала автомашина. Был почти час ночи. В миле позади них те двое вновь присоединились к третьему партнеру в зеленой машине. Энди и Чарли брели параллельно Нортуэй, которая находилась внизу справа, освещенная сиянием бестеневых ртутных ламп. Можно

спуститься с насыпи и попытаться остановить машину на обочине, но если там появится полицейский, это лишит их даже самой малой надежды на спасение. Энди спрашивал себя, сколько еще нужно идти, прежде чем они подойдут к спуску. Каждый его шаг болезненно отзывался в голове.

– Папочка? Как ты себя чувствуешь?

– Да пока ничего, – сказал он, хотя это было не так. Он не обманывал себя и сомневался, обманывал ли он Чарли.

– Далеко еще?

– Ты устала?

– Нет пока, но, папочка...

Он остановился, тревожно посмотрел на нее:

– В чем дело, Чарли?

– Мне кажется, плохие люди опять где-то рядом, – прошептала она.

– Ладно, – сказал он. – Наверно, лучше сократить путь, малышка. Ты можешь спуститься с этого холма и не упасть?

Она взглянула на откос, покрытый увядшей октябрьской травой.

– Попробую, – сказала она нерешительно.

Он переступил через натянутые тросы ограждения и помог Чарли перелезть. Как случилось в моменты особенно острой боли и напряжения, его мозг попытался уйти в прошлое, избежать стресса. Бывали и хорошие времена, перед тем как тень стала постепенно наползать на их жизнь – сначала только на него и Вики, затем на всех троих, отнимая понемногу счастье с неумолимостью затмения, постепенно скрывающего луну. То было...

– Папочка! – внезапно закричала Чарли. Она поскользнулась. Трава была сухой, скользкой, обманчивой. Энди потянулся к ее взлетевшей руке, упустил ее и упал сам. Удар при падении на землю вызвал такую боль в голове, что он закричал. И оба они покатались по склону к Нортуэй с мчавшимися по ней автомашинами чересчур быстро, чтобы иметь возможность остановиться, если один из них – он или Чарли – скатится на проезжую часть.

Ассистент затянул резиновый жгут вокруг руки над локтем и сказал:

– Сожмите кулак, пожалуйста.

Энди сжал. Вена послушно вздулась. Он отвернулся в сторону, почувствовав тошноту. Даже за двести долларов у него не было желания видеть, как воткнут шприц.

Вики Томлинсон лежала на соседней кушетке, одетая в серые брюки и белую кофточку без рукавов. Она натянуто улыбнулась. Он вновь увидел, какие у нее красивые рыжие волосы, как хорошо они гармонируют с ясными голубыми глазами... Затем болезненный укол и пульсация в руке.

– Готово, – успокаивающе сказал ассистент.

– Ничего готового, – ответил Энди. Он волновался.

Они находились наверху, в кабинете номер 70 Джейсон-Гирни-Холла. Туда из лазарета колледжа притащили дюжину коек. Двенадцать добровольцев лежали на них, привалившись к подушкам с синтетической антиаллергической набивкой, и зарабатывали свои деньги. Доктор Уэнлесс сам не колол, но прохаживался между кроватями с ледяной улыбочкой, находя слово для каждого. *Мы сейчас начнем усыхать*, меланхолически думал Энди.

Когда все собрались, Уэнлесс произнес короткую речь. Сказанное им сводилось к следующему. Не бойтесь. Вы находитесь в надежных руках Современной Науки. Энди не очень-то верил в Современную Науку, которая дала миру водородную бомбу, напалм и лазерное ружье наряду с вакциной Солка и клиразилом.

Ассистент в это время занимался делом. Зажимал щипцами трубки капельниц.

Раствор состоит из декстрозы и воды, говорил Уэнлесс... Он называл это раствором Д5У. Ниже зажима торчал кончик трубки. Если Энди вольют «лот шесть», это сделают шприцем с иглой через эту трубку. Если он окажется в контрольной группе, это будет обычный соляной раствор. Орел или решка, как повезет.

Он взглянул на Вики:

– Как дела, малышка?

– Хорошо.

Подошел Уэнлесс. Стал между ними, посмотрев сначала на Вики, затем на Энди.

– Немного больно, да? – Он говорил без акцента, во всяком случае, без явного, но строил фразы таким образом, что Энди показалось – английский был для него вторым языком.

– Давит, – сказала Вики. – Слегка давит.

– Да? Это пройдет. – Он доброжелательно улыбнулся Энди. В белом халате Уэнлесс казался очень высоким. Очки его выглядели очень маленькими. Маленькие и очень высоко.

Энди спросил:

– Когда мы начнем съезживаться?

Уэнлесс продолжал улыбаться:

– Вы думаете, что съезжитесь?

– Съе-ежжусь, – сказал Энди и глуповато ухмыльнулся. Что-то происходило с ним. Боже, он воспарял. Он взлетал.

– Все будет в порядке, – сказал Уэнлесс и улыбнулся во весь рот. Прошел дальше. *И снова в путь*, как в тумане подумал Энди. Он взглянул на Вики. Какие яркие у нее волосы! Как-то глупо они напомнили ему медную обмотку нового мотора... генератора... прерывателя... легкомысленную женщину...

Он громко засмеялся.

Слегка улыбаясь, словно шутке, ассистент открыл зажим, ввел еще немного раствора в руку Энди и снова ушел. Теперь Энди мог смотреть на капельницу. Она его не тревожила. «Я – сосна, – думал он. – Видите мои прекрасные иглы?» – Он снова засмеялся.

Вики улыбалась ему. Боже, она такая красивая. Ему хотелось сказать ей, какая она красивая. Ее волосы похожи на горящую медь.

– Спасибо, – сказала она. – Какой приятный комплимент.

Неужели она сказала это? Или ему померещилось?

Собирая последние остатки сознания, он произнес:

– Вики, я, кажется, слинял на дистиллированной воде.

Она безмятежно произнесла:

– Я тоже.

– Приятно, правда?

– Приятно, – согласилась она сонно.

Где-то кто-то плакал. Истерически рыдал. Звук нарастал и затихал какими-то необычными периодами. Он размышлял, как ему показалось, целую вечность. Энди повернул голову – посмотреть на происходящее. Все стало интересным, все находилось в замедленном движении. Замедло – так пишет всегда в своей колонке авангардистский кинокритик из их колледжа. *В этом фильме, как и в других, Антониони достигает самых выразительных эффектов, используя замедлосъемку.* Какое интересное, действительно умное слово; оно напоминает змею, выползающую из холодильника: замедло.

Несколько ассистентов-выпускников замедло бежали по помещению к одной из коек, поставленной около грифельной доски. Парень на кушетке вроде бы что-то делал со своими глазами. Да, он определенно что-то творил с глазами, его пальцы были запущены в них, и он, похоже, норовил вырвать глазные яблоки из глазниц. Оттуда замедло текло. Игла замедло

выскочила из его руки. Уэнлесс бежал замедло. Глаза у парня на койке теперь выглядели как расплывшиеся яйца всмятку, хладнокровно заметил Энди. Да, в самом деле.

Затем вокруг кушетки собрались белые халаты, и парнишка исчез из виду. Прямо над ним висела схема. Она показывала полушария головного мозга. Энди некоторое время с интересом смотрел на нее. «Оч-чень ин-тер-р-ресно» – так говорил Арт Джонсон в телепередаче «Обхохочешься».

Из толчеи белых халатов поднялась окровавленная рука, подобная руке тонущего. Пальцы были в крови, с них свисали кусочки ткани. Рука хлопнула по плакату, оставив кровавое пятно в форме большой кляксы. Схема с чмокающим шумом поползла кверху и наверху на валок.

Потом койку подняли (парня, вырвавшего себе глаза, не было видно) и быстро вынесли из комнаты.

Через несколько минут (часов? дней? лет?) к кушетке Энди подошел один из ассистентов, осмотрел капельницу, ввел еще немного «лот шесть» в мозг Энди.

– Как себя чувствуешь, парень? – спросил ассистент, который, конечно же, не был ни выпускником, ни студентом – никем из них не был. Во-первых, этому типу около тридцати пяти – несколько многовато для студента-выпускника. Во-вторых, этот тип работает на Контору. Энди вдруг осенило. Казалось абсурдным, но он знал это. А звали его...

Энди напрягся и нашел имя. Мужчину звали Ральф Бакстер.

Он улыбнулся. Ральф Бакстер. Здорово сработано.

– Хорошо, – сказал он. – А как тот парень?

– Какой тот парень, Энди?

– Тот, что вырвал себе глаза, – спокойно сказал Энди.

Ральф Бакстер улыбнулся, похлопал Энди по руке:

– Довольно реальная галлюцинация, а, друг?

– Нет, правда, – отозвалась Вики. – Я тоже видела.

– Вам кажется, что видели, – сказал ассистент, который был совсем не ассистент. – Просто вам показалось одно и то же. Там около доски действительно лежал парень, у него сработала мускульная реакция... нечто вроде судороги. Никаких выдавленных глаз. Никакой крови.

Он двинулся дальше.

– Дорогой, разве может показаться одно и то же без предварительной договоренности? – спросил Энди. Он ощущал себя жутко умным. Логика была безупречной, неопровержимой. Вроде бы он положил старину Ральфа Бакстера на лопатки.

Ральф с улыбкой оглянулся, неубежденный.

– При этом лекарстве такое вполне возможно, – сказал он. – Я сейчас вернусь, хорошо?

– Хорошо, Ральф, – ответил Энди.

Ральф остановился и вернулся к койке Энди. Он возвращался замедло, раздумчиво глядя на Энди. Энди отвечал широкой, дурацкой, обалделой улыбкой. Поймал тебя, старина Ральф. Уложил тебя на лопатки. Внезапно на него навалилась куча сведений о Ральфе Бакстере, целые тонны: ему тридцать пять лет, он шесть лет работает в Конторе, до того два года был в ФБР, он...

За время своей работы он убил четверых – троих мужчин и одну женщину.

Она работала на Ассошиэйтед пресс и знала о...

Дальше было неясно. Да и не имело значения. Внезапно Энди не захотелось знать. Улыбка сошла с его губ. Ральф Бакстер по-прежнему смотрел на него сверху. Энди охватил жуткий страх, запомнившийся с тех пор, как он дважды попробовал ЛСД... Но на этот раз страх был более глубоким, более пугающим. Он не имел представления, откуда может знать такие вещи про Ральфа Бакстера – и как вообще узнал его имя, – но если он скажет Ральфу, что знает все это, то может исчезнуть из комнаты номер 70 Джейсон-Гирни-Холла с той же

быстротой, с какой исчез парень, вырвавший себе глаза. Или это действительно была галлюцинация? Сейчас все казалось нереальным.

Ральф продолжал смотреть на него. Понемножку он начал улыбаться.

– Видите? – произнес он мягко. – С «лот шесть» всякие причуды случаются.

Он ушел. Энди медленно, облегченно вздохнул. Он взглянул на Вики, она смотрела на него, глаза у нее были широко открыты, испуганные. *Ей передаются мои эмоции*, думал он. *Как по радио. Щади ее! Помни, что она под действием лекарства, какою бы дрянью оно ни было!*

Он улыбнулся ей, и через мгновение Вики ответила ему неуверенной улыбкой. Она спросила его, что не так. Он ответил, что, вероятно, все в порядке.

(но мы же не разговариваем – ее губы не двигаются)

(разве нет?)

(Вики? это ты?)

(это телепатия, Энди? да?)

Он не знал. Но что-то было. Он опустил веки.

Эти люди действительно ассистенты-выпускники? – обеспокоенно спросила она. Они не похожи на тех ассистентов. Это действует лекарство, Энди? Не знаю, сказал он все еще с закрытыми глазами. Я не знаю, кто они. Что случилось с тем парнишкой? Тем, которого они унесли? Он снова открыл глаза и посмотрел на нее, но Вики качала головой. Она не помнила. Энди с удивлением и смятением обнаружил, что и он сам едва помнил. Казалось, это произошло годы назад. Схватила судорога того парня, не так ли? Просто свело мускулы, только и всего. Он...

Вырвал себе глаза.

Но, в общем, какая разница?

Поднятая рука среди белых халатов. Как рука тонущего.

Но это произошло давным-давно. Слово в двенадцатом веке.

Окровавленная рука. Хлопающая по плакату. Плакат, с чмокающим шумом сворачивающийся на валок. Лучше лежать спокойно. Вики, кажется, снова нервничает.

Внезапно из динамиков в потолке полилась музыка, это оказалось приятно... гораздо приятнее, чем думать о судорогах и вытекающих глазах. Музыка была нежной и в то же время величественной. Позднее Энди решил (проконсультировавшись с Вики), что это был Рахманинов. И с тех пор при звуках музыки Рахманинова на него наплывали неясные, туманные воспоминания о бесконечном, вечном времени в кабинете номер 70 Джейсон-Гирни-Холла.

Что было реальностью, а что галлюцинацией? Размышления на протяжении двенадцати последующих лет так и не дали Энди Макги ответа на этот вопрос. Однажды ему показалось, что по комнате летают предметы, словно дует невидимый ветер, – бумажные стаканчики, полотенца, манжетка для измерения давления, смертельно опасный град из ручек и карандашей. В другой раз, несколько позже – или на самом деле это случилось раньше? Определенной последовательности просто не было – одного из подопытных свела судорога, а затем остановилось сердце – или это тоже показалось? Были предприняты суматошные попытки оживить его с помощью искусственного дыхания и укола непосредственно в грудную клетку и, наконец, с помощью аппарата, издававшего высокий звук и состоящего из двух черных колпаков с протянутыми от них толстыми проводами. Энди казалось, он помнил, как один из «ассистентов-выпускников» орал: «Качни его! Качни его! Или давай их мне, балда!»

И еще он спал, то будто погружаясь в туман, то выходя из него. Он разговаривал с Вики. Они рассказали друг другу о себе. Энди поведал об автомобильной аварии, в которой погибла его мать, и о том, как он после этого провел год у своей тетки в состоянии нервного шока от горя. Она рассказала ему, что, когда ей было семь лет, парнишка из бюро дежурств, которого вызвали, чтобы присмотреть за ней, пытался ее изнасиловать, а теперь она ужасно боится

интимной близости, это было главной причиной разрыва между нею и ее приятелем. Он все время настаивал на постели.

Они рассказали друг другу подробности, о которых мужчина и женщина не говорят, если не знакомы много лет... О которых мужчина и женщина зачастую вообще никогда не говорят, даже в темноте супружеской постели спустя десятилетия совместной жизни.

Но разговаривали ли они вслух?

Этого Энди никогда не узнал.

Время остановилось, и все же оно прошло.

Мало-помалу он выходил из дремотного состояния. Рахманинов смолк... если вообще он когда-нибудь звучал. Вики мирно спала на койке рядом с ним, сложив руки на груди – руки ребенка, который заснул, произнося вечернюю молитву. Энди посмотрел на нее и понял, что в какой-то момент он влюбился. Возникло глубокое и все заполнившее непреодолимое чувство. В этом не было сомнений.

Некоторое время спустя он осмотрелся. Несколько коек пустовало. Человек, быть может, пять из подопытных оставались в комнате. Некоторые спали. Один сидел на кушетке, и ассистент – совершенно нормальный ассистент-выпускник лет, может, двадцати пяти – задавал ему вопросы и записывал в блокнот. Подопытный, очевидно, сказал что-то смешное, потому что они оба рассмеялись – негромко, осторожно, как смеются, когда рядом кто-то спит.

Энди сел, проверил себя. Самочувствие хорошее. Он попытался улыбнуться – улыбка получилась. Мускулы мирно покоились на местах. Он был бодр и свеж, каждое ощущение остро отточено и помыслы чисты. Точно так же он чувствовал себя, когда ребенком просыпался в субботу утром, зная, что велосипед стоит на подставке в гараже, а впереди у него два полностью свободных дня, праздник, о котором мечталось, где все развлечения бесплатные.

Подошел один из ассистентов-выпускников:

– Как вы себя чувствуете, Энди?

Энди взглянул на него. Это был тот же самый парень, который делал ему вливание – когда? год назад? Он провел ладонью по щеке и почувствовал шорох щетины.

– Как Рип ван Винкль, – сказал он.

Ассистент улыбнулся:

– Прошло только сорок восемь часов, а не двадцать лет. Как вы действительно себя чувствуете?

– Хорошо.

– Нормально?

– Что бы это слово ни означало, да. Нормально. Где Ральф?

– Ральф? – Ассистент-выпускник поднял брови.

– Да, Ральф Бакстер. Около тридцати пяти. Высокий парень. Русые волосы.

Ассистент снова улыбнулся:

– Вы его вообразили.

Энди неуверенно посмотрел на ассистента:

– Что я его?

– Вообразили. Выдумали. Единственный знакомый мне Ральф, который как-то связан с испытаниями «лот шесть», – представитель «Дартан фармасьютикал» по имени Ральф Стейнхэм. А ему лет пятьдесят пять или около того.

Энди долго молча смотрел на ассистента-выпускника. Ральф – иллюзия. Что ж, может, и так. Налицо, конечно, все параноидальные элементы наркотического сна; Энди, казалось, помнил, что он считал Ральфа каким-то секретным агентом, который расправился с разного рода людьми. Он слегка улыбнулся. Ассистент улыбнулся в ответ... с излишней готовностью, подумал Энди. Или это тоже паранойя? Конечно, она самая.

Парня, который сидел и разговаривал, когда Энди проснулся, теперь выводили из комнаты, он пил апельсиновый сок из бумажного стаканчика.

Энди осторожно спросил:

– Никто не пострадал, а?

– Пострадал?

– Ну... ни у кого не было спазма, а? Или...

Ассистент обеспокоенно наклонился к нему:

– Слушайте, Энди, надеюсь, вы не будете распространяться о подобных вещах по всему колледжу. Это сорвет исследовательскую программу доктора Уэнлесса. В следующем семестре у нас будет «лот семь» и «восемь» и...

– Так что-нибудь было?

– У одного парнишки возникла мускульная судорога, небольшая, но довольно болезненная, – сказал ассистент. – Она прошла меньше чем через пятнадцать минут без всяких последствий. Однако мы живем буквально во взрывоопасной атмосфере. *Прекратить призыв в армию, запретить корпус резервистов, запретить набор рабочих в «Доу кемикл», потому что они делают напалм...* Как-то теряется мера вещей, а я считаю, что мы проводим очень важное исследование.

– Кто был тот парень?

– Вы же знаете, я не могу вам сказать. Но, пожалуйста, помните, вы находились под влиянием легкого галлюциногена. Не смешивайте навеянные лекарством фантазии с реальностью и не распространяйте эту смесь вокруг.

– Мне не разрешат это делать? – спросил Энди.

Ассистент выглядел озабоченным:

– Не знаю, как вам можно помешать. Любая исследовательская программа в колледже зависит от добровольцев. За паршивые двести долларов мы вряд ли можем ждать, что вы подпишете клятву молчания, правда?

Энди почувствовал облегчение. Если этот парень врет, то врет первоклассно. Все было лишь цепью галлюцинаций. На соседней койке зашевелилась Вики.

– Ну как? – спросил улыбаясь ассистент. – Кажется, я вроде бы должен задавать вопросы.

И он их задал. К тому времени, как Энди кончил отвечать, Вики полностью проснулась. Она выглядела отдохнувшей, спокойной, сияющей и улыбалась ему. Вопросы были подробные. Многие Энди сам бы задал себе.

Но почему у него было ощущение, что все они служили лишь прикрытием?

В тот вечер, сидя на кушетке в одном из небольших холлов студенческого клуба, Энди и Вики сравнивали свои галлюцинации.

Она не помнила того, что особенно тревожило его: окровавленную руку, безжизненно взмахнувшую над толчеей белых халатов, хлопнувшую по схеме и исчезающую. Энди совсем не помнил того, что живо представляла она: человек с длинными светлыми волосами приставил к кушетке на уровне ее глаз складной столик, расположил на нем ряд больших костей домино и сказал: «Сбейте их, Вики. Сбейте их все». Подчиняясь, она подняла руки, и тут человек осторожно, но твердо снова прижал их к ее груди.

«Вам не нужны руки, Вики, – сказал он. – Просто сбейте их». И она взглянула на костяшки домино, и все они повалились одна за другой. Дюжина или около того.

– После этого я почувствовала усталость, – рассказывала она Энди, улыбаясь своей легкой скользкой улыбкой. – И мне показалось, будто мы говорим о Вьетнаме. Я сказала что-то вроде: «Если падет Южный Вьетнам, все они повалятся». Он улыбнулся, похлопал меня по рукам и сказал: «Почему бы вам не поспать немного, Вики? Вы, должно быть, устали». И я заснула. – Она покачала головой. – Сейчас это кажется нереальным. Я, наверно, все это

придумала или галлюцинировала в связи с чем-то в прошлом. Ты не помнишь, видел ты его? Высокий парень со светлыми волосами до плеч и небольшим шрамом на подбородке?

Энди покачал головой.

– Не понимаю, как мы могли оба нафантазировать одно и то же, – сказал Энди, – если только они не создали средство, одновременно и телепатическое и галлюциногенное. Об этом что-то говорили в последние годы... идея состоит в том, что галлюциногены могут обострить восприятие... – Он пожал плечами, затем улыбнулся: – Карлос Кастанеда³, где вы, когда вы нам нужны?

– А может, мы просто обсуждали одно и то же видение и затем забыли об этом? – спросила Вики.

Он согласился, что такая возможность вполне существует, однако беспокойство не покидало его. Это было, как говорят, удовольствие ниже среднего.

Собравшись с силами, он сказал:

– Единственное, в чем я действительно уверен, так это в том, что я, кажется, влюбляюсь в тебя, Вики.

Она нервно улыбнулась и поцеловала его в уголок рта:

– Очень мило, Энди, но...

– Но ты немного меня боишься. Может, мужчин вообще.

– Может, и боюсь, – сказала она.

– Я прошу только о надежде.

– Ты ее получишь, – сказала она. – Ты мне нравишься, Энди. Очень. Но, пожалуйста, помни, что я боюсь. Иногда я просто боюсь. – Она хотела слегка передернуть плечами, но вместо этого сильно вздрогнула.

– Буду помнить, – сказал он, притянув ее к себе, и поцеловал.

Секунду поколебавшись, она сама поцеловала его, крепко держа его руки в своих.

– Папочка! – вскрикнула Чарли.

Мир болезненно вращался перед глазами Энди. Ртутные фонари вдоль Нортуэй оказались внизу, а земля вверх – будто стряхивала его с себя. Затем он сел, съехав с нижней части откоса, словно ребенок на санках. В самом низу беспомощно переворачиваясь, скользила Чарли.

Ой, она же летит прямо под колеса машин...

... – Чарли, – хрипло закричал он так, что болью пронзило горло и голову. – Берегись!

И вот она уже припала к земле на обочине, рыдает в режущем глаза свете фар проходящей машины. Через секунду он приземлился рядом, с громким шмяканьем, которое отдалось по всему позвоночнику и ударило в голову. Предметы сдвоились перед глазами, строились, а затем постепенно встали на свои места.

Чарли сидела на корточках, закрыв лицо руками.

– Чарли, – сказал он, тронув ее руку. – Все в порядке, малышка.

– Жаль, не попала под машину! – выкрикнула она пронзительным и злым голосом, с такой ненавистью к себе, что у Энди заныло сердце. – Так мне и надо за то, что подожгла того человека!

– Ш-ш-ш, – сказал он. – Чарли, ты не должна больше думать об этом.

Он обнял ее. Мимо проносились машины. Любая могла быть полицейской, а это означало – конец. Хотя в такой ситуации это принесло бы чуть ли не облегчение.

³ Карлос Кастанеда – американский антрополог, занимается культурой индейцев и их религиозными верованиями.

Рыдания затихали. Отчасти она плакала от усталости. То же самое и с ним – усталость довела головную боль до высшей точки, и на него нахлынул совсем ненужный поток воспоминаний. Если бы только они могли добраться куда-нибудь и прилечь...

– Можешь встать, Чарли?

Она медленно поднялась на ноги, смахнув последние слезинки. Ее лицо в темноте казалось мертвенно-бледной маленькой луной. Глядя на нее, он испытывал острое чувство вины. Ей бы уютно свернуться в постели, где-нибудь в доме, за который выплачена почти вся ссуда, с плюшевым медвежонком в объятиях, а на следующее утро отправиться в школу и трудиться там во имя Бога, страны и учебной программы второго класса. Вместо этого она стоит на обочине скоростного шоссе на севере штата Нью-Йорк в час тридцать ночи, чувствуя себя виноватой, ибо унаследовала нечто от отца и матери – нечто, в чем она была виновата не больше чем в голубизне своих ясных глаз. Как объяснить семилетней девочке, что однажды папочке и мамочке понадобились двести долларов и люди, с которыми они имели дело, утверждали, что все в порядке, а на самом деле лгали?

– Нужно поймать машину, – сказал Энди и обнял ее рукой за плечи, то ли стремясь успокоить, то ли ища поддержки. – Доберемся до отеля или мотеля и поспим. Затем подумаем, что делать дальше. Годится?

Чарли безразлично кивнула.

– Хорошо, – сказал он и поднял большой палец. Машины, не обращая никакого внимания, проносились мимо, а менее чем в двух милях отсюда двигалась зеленая машина. Энди ничего не знал об этом; его возбужденный мозг возвращался к тому вечеру с Вики в здании студенческого клуба. Она жила в одном из общежитий – в том здании, куда он проводил ее и еще раз на ступеньках прямо перед большими двойными дверями ощутил сладость ее губ; она неуверенно обнимала его руками за шею, эта девочка, еще такая невинная. Они были молоды, Боже, они были молоды.

Мимо проносились машины, каждая воздушная волна вздымала и опускала волосы Чарли, а он вспоминал конец того вечера двенадцать лет назад.

Проводив Вики до общежития, Энди пересек территорию колледжа и направился к шоссе, где собирался поймать машину и доехать до города. Майский ветер бился в кронах вязов вдоль аллеи, хотя он едва ощущал его дуновение; прямо над ним будто протекала по воздуху невидимая река, лишь самые слабые и отдаленные струи которой касались его.

Путь Энди проходил мимо Джейсон-Гирни-Холла, и он остановился перед его темным массивом. Вокруг, повинаясь невидимому потоку ветра, танцевали деревья, покрытые молодой листвой. Вдоль его позвоночника пробежал холодок и, казалось, угнездился в животе, вызывая легкий озноб. Он поежился от холода, хотя вечер был теплым. Большая луна, напоминавшая серебряный доллар, плыла между горами облаков; ветер гнал их по этой темной воздушной реке, будто позолоченные шляпки. Лунный свет отражался в окнах зданий, делая их похожими на потухшие неприятные глаза.

Здесь что-то произошло, думал он. Нечто большее, чем нам говорили и во что заставляли поверить. Что же именно?

Мысленным взором он снова видел эту тонкую, окровавленную руку – только на этот раз она ударяла по плакату, оставляя кровавый след в виде запятой... а затем плакат с треском сворачивался.

Он подошел к зданию. Безумие. Они же не пустят в аудиторию после десяти часов. И... Я боюсь.

Да, именно это. Чересчур много тревожных полувоспоминаний. Слишком легко убедить себя: все – выдумка; Вики почти уже готова согласиться с этим. Подопытный, вырывающий себе глаза. Кто-то кричал, что хотел бы умереть, что лучше умереть, чем это, даже если для

того понадобится отправиться в ад и гореть там вечным огнем. У кого-то произошла остановка сердца, и его увезли с пугающим профессиональным умением. Скажем прямо, старина Энди, размышление о телепатии тебя не пугает. А пугает мысль, что подобное могло случиться с тобой.

Стуча каблуками, он поднялся к большим двойным дверям и попытался открыть их. За ними был виден пустой вестибюль. Энди постучал, но когда кто-то вышел из тени, он чуть не убежал. Он чуть не убежал, потому что из тени должно было появиться лицо Ральфа Бакстера или высокого мужчины со светлыми волосами и шрамом на подбородке.

Однако человек, подошедший к дверям вестибюля и высунувший сердитую физиономию, был типичным сторожем колледжа: лет шестидесяти двух, с изборожденными морщинами щеками и лбом, с настороженными голубыми глазами, слезившимися от слишком частого общения с бутылкой. На поясе у него висел большой будильник.

– Здание закрыто! – сказал он.

– Знаю, – ответил Энди, – но я сегодня утром участвовал в эксперименте и, кажется...

– Не имеет значения! По будням здание закрывается в девять! Приходите завтра!

– ...я забыл в кабинете часы, – сказал Энди. Часов у него вообще не было. – Что скажете, а? Только быстренько гляну.

– Не могу, – как-то странно, неуверенно сказал сторож.

Ничуть не задумываясь, Энди шепнул:

– Конечно, можете. Я лишь взгляну и тут же уберусь. Вы даже не запомните, что я тут был, да?

Неожиданно возникло странное ощущение: словно он выплеснулся из самого себя и *подтолкнул* этого престарелого охранника, только не руками, а головой. Охранник сделал два-три неуверенных шага назад, выпустив из рук дверь.

Энди вошел, слегка озабоченный. Голову его пронзила острая боль, тут же перешедшая в тупую, которая утихла спустя полчаса.

– Эй, как себя чувствуете? – спросил он охранника.

– А? Конечно, хорошо. – Подозрительность охранника прошла; он одарил Энди дружеской улыбкой. – Поднимайтесь и поищите часы, если хотите. Не торопитесь. Я, возможно, даже и не вспомню, что вы были здесь.

Он побрел прочь.

Энди недоверчиво посмотрел ему вслед, рассеянно потер лоб, словно успокаивая небольшую головную боль. Что он, Боже правый, сделал с этой старой перечницей? Но что-то сделал, это уж наверняка.

Он повернулся, направился к лестнице, стал подниматься. Верхний холл был затененный и узкий. Энди охватило неотступное чувство клаустрофобии, и дыхание перехватило будто невидимым ошейником. Здесь, наверху, здание словно вдавалось в поток ветра, и он, тоненько напевая, разгуливал под карнизами. В кабинете номер 70 была пара двойных дверей с матовыми стеклами в верхней части. Энди стоял перед ними, слушая, как гуляет ветер по желобам, водосточным трубам, шурша заржавелыми листьями ушедших лет. Сердце его тяжело стучало.

Он чуть было не ушел; казалось, лучше ничего не знать, просто забыть обо всем. Но он протянул руку, взялся за одну из дверных ручек, убеждая себя, что беспокоиться нечего, поскольку эта чертова комната заперта, ну и слава Богу.

Однако она не была заперта. Ручка легко повернулась. Дверь открылась.

Пустую комнату освещал колеблющийся лунный свет, он пробивался сквозь раскачивавшиеся от ветра ветки старого вяза за окнами. Света было достаточно, чтобы увидеть, что кое-что больше нет. С грифельной доски все стерто, она вымыта. Схема свернута, как оконная штора, свисало лишь кольцо, за которое тянут. Энди подошел к нему, протянул дрожащую руку, потянул за кольцо вниз.

Мозговые полушария: человеческий мозг расчленен на части и размечен, точно плакат в лавке у мясника. От одного его вида у него снова зашевелились волосы на голове, словно после приема ЛСД. В плакате ничего забавного, он вызывал тошноту. Энди слабо застонал.

Кровавое пятно было на месте; в лунном мерцающем свете оно походило на черную запятую. Печатное название, которое до эксперимента явно читалось CORPUS CALLOSUM⁴, теперь из-за пятна в виде запятой читалось COR OSUM.

Такая мелочь.

Такого огромного значения.

Он стоял в темноте, смотрел на плакат, и его начало по-настоящему трясти. Насколько это подтверждает реальность остального? Отчасти? Большей частью? Полностью? Или совсем не подтверждает?

Позади он услышал какой-то звук – или это ему показалось? – крадущийся скрип ботинка.

Руки дрогнули, одна из них хлопнула по плакату с таким же отвратительным чмокающим шумом. Под действием пружины плакат скрутился кверху, прогремев в темноте комнаты, похожей сейчас на шахту.

Внезапное постукивание по дальнему окну, покрытому пылью лунного света, – ветка или, может, мертвые пальцы в запекшейся крови: *впустите меня, я тут оставил свои глаза, впустите меня, впустите меня...*

Он плыл в замедленном сне, в замедлосне, все более уверенный, что это тот самый паренек, дух в белом одеянии с сочащимися черными дырами вместо глаз. Сердце стояло у него прямо в горле.

Там никого не было.

Ничего не было.

Но нервы сдали, и, когда ветка снова начала неумолимо постукивать, он выбежал, не позаботившись закрыть за собой дверь, пробежал по узкому коридору и неожиданно услышал топот гнавшихся за ним ног – то было эхо, отзвук его собственных быстрых шагов. Он сбежал по ступеням, тяжело дыша, перемахивая через две сразу, и оказался снова в вестибюле. Кровь стучала в висках. Воздух, проходя через гортань, покалывал, словно сухие травинки.

Вахтер исчез. Энди вышел, захлопнув за собой застекленную дверь, и крадучись пошел по тротуару к площади, словно беглец, каким он впоследствии стал.

Через пять дней Энди затащил Вики Томлинсон почти против ее воли в Джейсон-Гирни-Холл, хотя она решила, что больше не хочет и думать об эксперименте: получила свой чек на двести долларов, взяла на него деньги и хотела забыть, где его получила.

Он убедил ее пойти, проявив красноречие, о котором и не подозревал. Они пошли во время перемены в два пятьдесят; в дремотном майском воздухе с часовни Гаррисона лился колокольный перезвон.

– Что может случиться при дневном свете? – сказал он, подавляя беспокойство и отказываясь уяснить даже самому себе, чего он, собственно, боится. – Особенно когда вокруг десятки людей.

– Я просто не хочу идти, Энди, – ответила она, но пошла.

Двое или трое ребят выходили из аудитории с книгами под мышкой. В солнечный день окна выглядели более прозаично, чем в бриллиантово-пыльном лунном свете. Вместе с Энди и Вики еще несколько человек вошли в аудиторию на семинар по биологии, начинавшийся в три часа. Один из них стал тихо и серьезно говорить с двумя другими о марше против при-

⁴ Мозолистое тело – часть мозга (лат.).

зыва резервистов, который предстоял в конце недели. На Энди и Вики никто не обращал ни малейшего внимания.

– Ладно, – сказал Энди хрипло и взволнованно. – Посмотри-ка.

Он раскатал схему, потянув за болтающееся кольцо. Перед ними предстал голый мужчина, кожа с него была снята, и на каждом органе было написано его название. Мускулы напоминали мотки переплетенных красных ниток. Какой-то остряк назвал его Оскаром-брюзгой.

– Боже! – воскликнул Энди.

Вики схватила его за руку теплой, влажной от волнения ладонью.

– Энди, – сказала она. – Пожалуйста, уйдем. Прежде чем нас узнают.

Да, нужно уходить. То, что плакат заменили, испугало его больше, чем что-нибудь другое. Он резко дернул кольцо, и плакат свернулся вверх. С тем же самым чмокающим шумом.

Другой плакат. Тот же звук. Сейчас, двенадцать лет спустя, он все еще слышал этот звук, когда позволяла головная боль. После того дня он никогда не входил в кабинет номер 70 в Джейсон-Гирни-Холле, но звук этот хорошо знал.

Частенько слышал его во сне... и видел эту вызывающую, тонущую, окровавленную руку.

Зеленая машина прошелестела по подъездной дорожке аэропорта по направлению к Нортуэй. За рулем сидел Норвил Бэйтс. Из приемника приглушенно и спокойно лилась классическая музыка. Теперь его волосы были коротко острижены и зачесаны назад, но небольшой полукруглый шрам на подбородке не изменился – он в детстве порезался разбитой бутылкой кока-колы. Вики, если бы она была еще жива, безусловно, узнала бы его.

– Впереди по дороге наш агент, – сказал человек в шерстяном костюме, Джон Мэйо. – Парень – стукач. Он работает и на ОРУ, и на нас.

– Обыкновенная продажная шлюха, – произнес третий, и все трое нервно, возбужденно засмеялись. Они знали, что добыча близка, почти чувствовали запах крови. Третьего звали Орвил Джеймисон, но он предпочитал, чтобы его звали по инициалам – О’Джей или даже лучше – Живчик. Он подписывал все служебные бумаги этими инициалами. Однажды он даже подписался Живчик, а этот сукин сын Кэп сделал ему замечание. Да не устное, а вписанное в его личное дело.

– Думаете, они на Нортуэй, а? – спросил О’Джей.

Норвил Бэйтс пожал плечами.

– Либо на Нортуэй, либо они направились в Олбани, – сказал он. – Я поручил местному дурню отели в городе, потому что это его город, правильно?

– Правильно, – сказал Джон Мэйо. Они с Норвилем хорошо ладили. Давно. Со времен, когда проводили опыты в кабинете номер 70 в Джейсон-Гирни-Холле, а там, дружище, если кто-нибудь спросит, было страшновато. Джону не хотелось бы еще раз испытать что-нибудь подобное. Именно он пытался откатать парнишку, у которого случился сердечный приступ. Он служил медиком в начале войны во Вьетнаме и знал, как пользоваться дефибриллятором – по крайней мере в теории. На практике получилось не так хорошо, и парнишку они потеряли. В тот день двенадцать ребят получили «лот шесть». Двое умерли – парнишка с сердечным приступом и девчонка, она умерла через шесть дней в общежитии, судя по всему, от внезапной закупорки сосудов мозга. Двое других окончательно сошли с ума – тот парень, что ослепил себя, и девочка – ее парализовало от шеи и до ног. Уэнлесс сказал, что это чисто психологическое дело, но кой черт знает? Да, хорошенько поработали в тот день.

– Местный придурок берет с собой жену, – говорил Норвил. – Будто она ищет внуку. Ее сын убежал с девочкой. Какая-то неприятная история с разводом и всякое такое. Она не хочет без нужды сообщать полиции, но опасается, как бы сын не спятил. Если она хорошо сыграет, в городе не найдется ни одного ночного портье, который не сообщит ей, если эти двое снимают у него номер.

– Если хорошо сыграет, – сказал О’Джей. – Никогда не знаешь, чего ждать от этих непрофессионалов.

Джон сказал:

– Мы сворачиваем на ближайшем же пандусе, идет?

– Идет, – сказал Норвил. – Осталось три-четыре минуты.

– Они успели сюда спуститься?

– Успели, если скатились на задницах. Может, схватим, если они голосуют здесь на пандусе. А может, они срезали путь – перешли на другую сторону, на обочину. Будем ездить туда-сюда, пока не нападём на них.

– Куда это ты отправился, голубчик, лезь в машину, – сказал Живчик и засмеялся. Под левой рукой в наплечной кобуре у него висел «магнум-357». Он называл его «пушкой».

– Если они подхватили попутку, нам дьявольски не повезло, Норв, – сказал Джон.

Норвил пожал плечами:

– Всяко может быть. Сейчас четверть второго. Машин мало – бензин ограничен. Что подумает мистер бизнесмен, когда увидит, что дяденька с ребенком ловят попутку?

– Подумает, что дело дрянь, – сказал Джон.

– Очень может быть.

Живчик снова засмеялся. В темноте мерцала мигалка, обозначающая въезд с пандуса на Нортуэй. О’Джей взялся за деревянную рукоятку «пушки». На всякий случай.

Мимо них проехал фургон, обдав холодным ветерком... А затем тормозные фонари ярко вспыхнули и он свернул на обочину примерно в пятидесяти ярдах от них.

– Слава Богу, – тихо сказал Энди. – Дай я поговорю, Чарли.

– Хорошо, папочка. – Голос ее звучал безразлично, под глазами снова появились черные круги. Фургон подавал назад, они шли ему навстречу. Голова Энди была словно медленно надувающийся свинцовый шар.

На боковой стенке изображены сцены из «Тысячи и одной ночи» – калифы, девицы, скрытые под кисейными чадрами, ковер, таинственным образом парящий в воздухе. Ковер, безусловно, должен был быть красным, но в свете ртутных фонарей на шоссе он казался темно-бордового цвета, цвета засыхающей крови.

Энди открыл дверцу, посадил Чарли. Затем влез сам.

– Спасибо, мистер, – сказал он. – Спасли нашу жизнь.

– Пожалуйста, – ответил водитель. – Привет, маленькая незнакомка.

– Привет, – еле слышно проговорила Чарли.

Водитель взглянул в боковое зеркальце, двинулся, все ускоряя ход, по обочине и затем въехал на основную магистраль. Когда Энди бросил взгляд через чуть склоненную голову Чарли, его охватило запоздалое чувство вины. Водитель был молодой человек, как раз из тех, мимо кого Энди всегда проезжал, когда они голосовали на обочине. Крупный, хотя и тощий, с большой черной бородой, которая кудрявилась до груди, в широкополой фетровой шляпе, выглядевшей как реквизит из кинофильма о враждующих деревенских парнях в Кентукки. От сигареты, похоже, самокрутки, что торчала в углу рта, поднималась струйка дыма. Судя по запаху, обычная сигарета: никакого сладковатого запаха конопли.

– Куда двигаешь, дружище? – спросил водитель.

– Во второй отсюда город, – ответил Энди.

– Гастингс-Глен?

– Точно.

Бородач кивнул:

– Наверное, бежишь от кого-то.

Чарли напряглась, и Энди успокаивающе положил ей на спину руку и легонько погладил, пока она снова не расслабилась. В голосе водителя он не уловил никакой угрозы.

– Судебный исполнитель в аэропорту, – сказал он.

Водитель усмехнулся – улыбка почти скрылась за его свирепой бородой, – вынул сигарету изо рта и осторожно выпихнул ее через полуоткрытое окно на ветер. Воздушный поток тут же поглотил ее.

– Наверно, что-нибудь связанное с этой маленькой незнакомкой, – сказал он.

– Не так уж и ошиблись, – проговорил Энди.

Водитель замолчал. Энди откинулся, стараясь успокоить головную боль. Она, казалось, застряла на том же нестерпимом до крика уровне. Было ли когда-нибудь так же плохо? Сказать невозможно. Каждый раз, когда она проходила, ему казалось, что хуже быть не могло. Не раньше чем через месяц он снова осмелится пустить в ход свой мысленный посыл. Он знал, что второй город по шоссе находится не так далеко, но сегодня на большее он не способен. Измучен до предела, что делать, подойдет и Гастингс-Глен.

– За кого болеешь, дружище? – спросил водитель.

– А?

– Чемпионат. «Священники Сан-Диего» в мировом чемпионате – как тебе нравится?

– Далеко оторвались, – согласился Энди. Его голос шел откуда-то издалека, подобно звону подводного колокола.

– Тебе неважно, дружище? Ты бледный.

– Голова болит, – сказал Энди. – Мигрень.

– Высокое давление, – уточнил водитель. – Усекаю. Остановитесь в отеле? Деньги нужны? Могу ссудить пятерку. Хотел бы и больше, да еду в Калифорнию, нужно экономить. Как Джоулы в «Гроздьях гнева».

Энди благодарно улыбнулся:

– Думаю, управимся.

– Чудненько. – Бородач взглянул на задремавшую Чарли. – Симпатичная девчушка, дружище. Присматриваешь за ней?

– Как могу, – бросил Энди.

– Хорошо, – сказал водитель. – Так и запишем.

Гастингс-Глен оказался чуть побольше, чем разъезд на дороге: в этот час все светофоры работали как мигалки. Бородатый водитель в деревенской шляпе свернул на боковую дорогу, проехал через спящий городок, а затем по дороге номер 40 к мотелю «Грезы» – сооружению из красноватых досок перед полем убранной кукурузы, с розовато-красной неоновой вывеской на фасаде, которая периодически мигала в темноте несуществующим словом СВО О НО. По мере того как Чарли все глубже погружалась в сон, она все больше клонилась влево, пока ее голова не оказалась на затынутом в джинсы бедре водителя. Энди предложил подвинуть ее, но бородач замотал головой:

– Не беспокойся, дружище. Пусть спит.

– Не высадите ли нас чуть подальше? – спросил Энди. Думать было трудно, однако эта предосторожность возникла почти интуитивно.

– Не хочешь, чтобы портье узнал, что вы без машины? – Водитель улыбнулся. – Конечно, дружище. Но в таком месте они и ухом не поведут, даже если привалишь на самокате. – Колеса фургона давили гравий обочины. – Уверен, что не понадобится пятерка?

– Пожалуй, понадобится, – сказал Энди неуверенно. – Не напишете мне свой адрес? Я перешлю.

Водитель снова усмехнулся.

– Мой адрес – «в пути», – сказал он, доставая бумажник. – Но ты ведь когда-нибудь можешь опять увидеть мое счастливое улыбающееся лицо, правда? Кто знает. Держи пятерку, дружище. – Он вручил купюру Энди, и тот вдруг заплакал – негромко, но заплакал.

– Не надо, дружище, – ласково сказал водитель. Он легонько коснулся шеи Энди. – Жизнь коротка, а боль длится долго, и мы все живем на этой земле, чтобы помогать друг другу. Философия Джима Полсона из комикса в сжатом виде. Береги маленькую незнакомку.

– Обязательно, – сказал Энди, вытирая глаза. Он положил пятидолларовую бумажку в карман своего вельветового пиджака.

– Чарли, малышка? Проснись! Осталось недолго.

Тремя минутами позже полусонная Чарли стояла на земле рядом с ним, а он смотрел, как Джим Полсон проехал вперед к закрытому ресторану, развернулся и направился мимо них к автостраде. Энди поднял руку. Полсон в ответ поднял свою. Старый фургон марки «форд» с арабскими сказками на борту: джиннами, великими визирями и таинственным ковром-самолетом. Будь счастлив в Калифорнии, парень, пожелал Энди, и они с Чарли направились к мотелю «Грезы».

– Ты подожди меня снаружи, чтобы тебя не видели, – сказал Энди. – Хорошо?

– Хорошо, папочка, – прошептала она очень сонным голосом.

Он оставил ее у вечнозеленого куста, подошел к двери и позвонил. Спустя минуты две появился человек средних лет в банном халате. Протерев очки, он открыл дверь и впустил Энди, не проронив ни слова.

– Не могу ли я получить номер в конце левого крыла? – спросил Энди. – Я там припарковался.

– В это время года можете снять заднее крыло целиком, – сказал ночной портье и показал в улыбке полный рот желтых вставных зубов. Он дал Энди напечатанную анкету и ручку с рекламой каких-то товаров на ней. Снаружи проехала машина, свет ее фар сначала нарастал, потом уменьшился.

Энди подписался в анкете как Брюс Розелл. Брюс ехал на «веге» 1978 года, нью-йоркской, номерной знак ЛМС-240. Мгновение он смотрел на графу ОРГАНИЗАЦИЯ/КОМПАНИЯ и затем по какому-то внезапному наитию (насколько могла позволить его разламывающаяся голова) написал: «Объединенная американская компания торговых автоматов». И подчеркнул НАЛИЧНЫМИ в графе о форме оплаты.

Еще одна машина проехала мимо.

Дежурный подписал анкету и убрал ее.

– Итого семнадцать долларов и пятьдесят центов.

– Не возражаете против мелочи? – спросил Энди. – У меня не было возможности обменять деньги в банке, а я таскаю с собой фунтов двадцать мелочи. Не люблю ездить на вызовы по деревенским дорогам.

– Мелочь тратится так же быстро. Не возражаю.

– Спасибо. – Энди полез в боковой карман, пальцами отстранил пятидолларовую бумажку и вытащил полную пригоршню четвертаков, пятаков и десятицентовиков. Он сосчитал четырнадцать долларов, достал еще мелочи и добавил до нужной суммы. Дежурный уложил монеты в аккуратные столбики, потом смахнул их в нужные отделения кассового аппарата.

– Знаете, – сказал он, задвигая ящик и с надеждой глядя на Энди. – Я скошу пять долларов со стоимости вашей комнаты, если вы почините автомат по продаже сигарет. Он уже неделю не работает.

Энди подошел к стоящему в углу автомату, сделал вид, что осматривает его, и затем вернулся.

– Не наша марка, – сказал он.

– О черт. Ладно. Спокойной ночи, дружище. Лишнее одеяло найдете на полке в шкафу, если понадобится.

– Хорошо.

Энди вышел. Под ногами хрустел, ужасающе громыхая в ушах, гравий. Он подошел к вечнозеленому кустарнику, у которого оставил Чарли, но ее там не было.

– Чарли?

Ответа не последовало. Он переложил ключ от номера на длинном зеленом пластиковом шнурке из одной ладони в другую: обе мигом вспотели.

– Чарли?

Ответа по-прежнему не было. Он мысленно вернулся назад, и теперь ему казалось, что проезжавшая машина приостановилась, пока он заполнял регистрационную карточку. Может, то была зеленая машина?!

Сердце начало учащенно биться, вгоняя в череп болевые импульсы. Он пытался сообразить, что же ему делать, если Чарли тут нет, но думать не мог. Очень болела голова. Он...

Из глубины кустарника раздался низкий звук, храп. Звук такой знакомый. Он бросился туда. Галька так и вылетала из-под ботинок. Жесткие вечнозеленые ветви царапали ноги и задирали полы его вельветового пиджака.

Чарли лежала на боку по соседству с лужайкой перед мотелем, коленки чуть не у подбородка, руки – между ними. Спала глубоким сном. Энди постоял с закрытыми глазами какое-то мгновение и разбудил ее, как он надеялся, в последний раз за ночь. Такую длинную, длинную ночь.

Ее ресницы дрогнули, и она взглянула на него.

– Папочка? – спросила она невнятно, все еще в полусне. – Я ушла, как ты сказал, чтобы меня не видели.

– Знаю, малышка, – сказал он. – Знаю, что ушла, пойдем. Пойдем спать.

Через двадцать минут они лежали в широкой постели номера 16. Чарли спала, ровно дыша. Энди засыпал, лишь равномерный стук в голове не давал уснуть. Да еще вопросы.

Они в бегах уже около года. Представить такое почти невозможно, может, потому, что не всегда было похоже, что они скрываются, во всяком случае, не в Порт-Сити, штат Пенсильвания. В Порт-Сити Чарли пошла в школу. Как можно считаться в бегах, если ты работаешь, а дочь ходит в первый класс? Их чуть не схватили в Порт-Сити, не потому, что те оказались особенно приткими (хотя и чертовски упорными, это здорово пугало Энди), а потому, что Энди совершил роковую ошибку: позволил себе на время забыть, что они с дочкой беглецы.

Больше этого не случится.

Как близко те? Все еще в Нью-Йорке? Если бы можно было этому поверить: они не записали номера такси, они все еще разыскивают его. Более вероятно, что они в Олбани, ползают по аэропорту, как червяки по куче мясных отходов. Гастингс-Глен? Может, к утру. А может, и нет. Не нужно, чтобы паранойя брала верх над здравым смыслом.

Я заслуживаю этого! Я заслуживаю, чтобы за мной гнался автомобиль. Я подождала того человека!

Его собственный голос отвечал: *Могло быть и хуже. Ты могла обжечь его лицо.*

Голоса в комнате с привидениями.

И еще ему пришло в голову. Предполагается, что он приехал на «веге». Наступит утро, и ночной портье не увидит «веги», припаркованной у номера 16. Подумает ли он просто, что

человек из «Объединенной компании торговых автоматов» уехал? Или начнет выяснять? Энди сейчас ничего поделать не может. Он полностью выжат.

Мне показалось, что он какой-то странный. Выглядел бледным, больным. Платил мелочью. Сказал, что работает в компании торговых автоматов, однако не смог исправить сигаретный автомат в вестибюле.

Голоса в комнате с привидениями.

Он повернулся на бок, прислушиваясь к медленному, ровному дыханию Чарли. Он думал, что они схватили ее, но она лишь забралась подальше в кусты. Чтобы не видели. Чарлин Роберта Норма Макги, Чарли со времени... ну, всегда. Если они схватят тебя, Чарли, я не знаю, что сделаю.

И еще один голос шестилетней давности, голос Квинси, его соседа по комнате в общении.

Тогда Чарли был годик, и они, конечно же, знали, что она не обычный ребенок. Ей исполнилась всего одна неделя, и Вики положила ее в их кровать, потому что, когда ее оставили в детской кроватке, подушка начала... ну, начала тлеть. В ту ночь они навсегда убрали ее кроватку, не разговаривали друг с другом в страхе, страхе таком огромном и необъяснимом, что невозможно было его высказать. Подушка настолько разогрелась, что обожгла ей щечку, и она проплакала всю ночь, несмотря на лекарство, которое Энди нашел в медицинском шкафчике. Ну и сумасшедший же дом был весь первый год, сплошной бессонный страх. Мусорная корзина загоралась, когда опаздывали давать ей бутылочку с молоком; однажды запылали занавески, и если бы Вики не было в комнате...

В другой раз она упала с лестницы, и это заставило его позвонить Квинси. Она тогда уже ползала и вполне могла, опираясь на руки и коленки, взбираться по ступенькам и таким же образом спускаться. В тот день Энди сидел с ней; Вики пошла с одной из подруг к «Сентерс» за покупками. Она колебалась – идти ли. Энди пришлось чуть ли не выставить ее за дверь. В последнее время она выглядела чересчур замотанной, слишком усталой. В ее глазах было что-то такое, что напоминало ему рассказы времен войны об усталости после боя.

Он читал в гостиной, около лестницы. Чарли ползала вверх и вниз. На ступеньках сидел плюшевый медвежонок. Отцу, конечно, следовало убрать его, но каждый раз, поднимаясь, Чарли обходила его, и Энди успокоился – так же, как потом его убаюкала их размеренная жизнь в Порт-Сити.

Когда она спускалась в третий раз, то задела ножкой за медвежонка и – бах, трах – слетела вниз, заревев от испуга и негодования. Ступеньки были покрыты ковровой дорожкой. У Чарли не появилось ни малейшей царапины – Бог оберегает пьяниц и малых детей, говаривал Квинси. Энди, впервые в тот день подумав о Квинси, кинулся к ней, поднял, прижал к себе, бормоча какую-то чепуху, а потом осматривал ее, пытаясь обнаружить следы крови или вывихнутый сустав, признак сотрясения. И...

И вдруг почувствовал, как нечто пронеслось мимо – какой-то незримый, невероятный сгусток смерти вырвался из головы дочери. Энди ощутил его, словно дуновение разогретого воздуха от быстро идущего поезда подземки в летнюю пору, когда стоишь, может быть, чересчур близко к краю платформы. Мягкое, беззвучное движение теплого воздуха... и затем игрушку охватил огонь. Медвежонок сделал больно Чарли – Чарли сделает больно медвежонку. Взвилось пламя, и на какую-то долю секунды, пока он обугливался, Энди сквозь марево огня увидел его черные глаза-пуговицы, а огонь лизал уже дорожку на ступеньках, где упал медвежонок.

Энди опустил дочку на пол, побежал за огнетушителем, висевшим на стене рядом с телевизором. Они с Вики не обсуждали, на что способна их дочь, – бывали времена, когда Энди хотел поговорить, но Вики не хотела ничего слышать; она избегала этой темы с истерическим

упорством, говоря, что ничего ненормального в Чарли нет, *нет ничего ненормального*, – но в доме появились огнетушители – никто ничего не говорил и не обсуждал. Они появились без обсуждений, почти с той же таинственностью, как расцветают одуванчики на стыке весны и лета. Они не обсуждали, на что способна Чарли, но по всему дому висели огнетушители.

Он схватил ближайший из них, ощущая сильный запах тлеющего ковра, и ринулся к лестнице... И все же у него хватило времени вспомнить ту историю, которую он прочитал, будучи ребенком, «Прекрасная жизнь» какого-то парня по имени Джером Биксби; она рассказывала о маленьком ребенке, который поработил своих родителей с помощью своей сверхъестественной силы, держа их в вечном страхе; это было нескончаемым кошмаром, где за каждым углом подстерегала смерть, и вы не знали... не знали, когда приступ охватит ребенка.

Чарли ревела, сидя на попке у нижней ступеньки.

Энди резко повернул ручку огнетушителя и стал поливать пеной пламя, заглушив его. Он подхватил медвежонка, шерсть которого покрылась точками, пятнами, хлопьями пены, и отнес его вниз.

Ненавидя себя, но как-то интуитивно понимая, что сделать это нужно, необходимо провести черту, преподать урок, он почти что прижал медвежонка к испуганному, заплаканному лицу орущей Чарли. *Ох ты, сукин сын*, думал в отчаянии он, *почему бы тебе не пойти в кухню, не взять нож и не сделать по порезу на каждой ее щеке? Пометить ее таким образом?* И его мысль заклинилась на этом. Шрамы. Да. Именно это он должен сделать. Выжечь шрам в ее душе.

– Тебе нравится, как выглядит медвежонок? – заорал он. Медвежонок почернел, и его тепло в руке было теплом остывающего куска угля. – Тебе нравится, что он обожжен и ты не сможешь с ним больше играть, Чарли?

Чарли ревела благим матом, кожа ее покрылась красными и белыми пятнами, она всхлипывала сквозь слезы:

– Па-аа! Медвежонок! Мой медве-е-жо...

– Да, медвежонок, – сказал Энди сурово. – Он сгорел, Чарли. Ты сожгла медвежонка. А раз ты сожгла медвежонка, ты можешь сжечь и мамочку. Папочку. Больше... *никогда этого не делай!* – Он наклонился, не касаясь ее. – Не делай этого, *потому что это Плохой поступок*.

– Па-а-аа...

Какое еще наказание он мог придумать, чем еще напугать, чем внушить ужас? Поднял ее, обнял, ходил с ней туда-сюда, пока – совсем нескоро – ее рыдания не перешли во всхлипывания и сопение. Когда он посмотрел на нее, она спала, прижавшись щекой к его плечу. Он положил ее на тахту, направился к телефону и позвонил Квинси. Квинси не хотел разговаривать. Тогда, в 1975 году, он служил в большой авиастроительной корпорации, и рождественские открытки, которые он каждый год посылал семье Макги, сообщали, что работает он вице-президентом, ответственным за душевное спокойствие персонала. Когда у людей, делающих самолеты, возникают проблемы, считается, что им следует идти к Квинси. Квинси должен разрешить их проблемы – чувство отчужденности, утраты веры в себя, может, просто чувство, что работа обесчеловечивает их, – и, вернувшись к конвейеру, они не привернут винтик вместо шпунтика, и потому самолеты не будут разбиваться, и планета будет спасена для демократии. За это Квинси получал тридцать две тысячи долларов в год, на семнадцать тысяч больше, чем Энди. «И мне ничуть не совестно, – писал он. – Считаю это небольшой платой за то, что почти в одиночку держу Америку на плаву».

Таков был Квинси, как всегда ироничный и скорый на шутку. Однако ничего ироничного или шутиwego не было в их разговоре, когда Энди позвонил из Огайо, а его дочка спала на тахте и запах сожженного медвежонка и подпаленного ковра бил в нос.

– Я кое-что слышал, – сказал наконец Квинси, когда понял, что Энди не отпустит его просто так. – Иногда люди подслушивают телефоны. Мы живем в эру уотергейта.

– Я боюсь, – сказал Энди. – Вики испугана. И Чарли испугана тоже. Что ты слышал об этом, Квинси?

– Некогда провели эксперимент, в котором участвовало двенадцать человек, – сказал Квинси. – Около шести лет назад. Помнишь?

– Помню, – угрюмо буркнул Энди.

– Немногие из двенадцати остались в живых. Четверо, как я слышал последний раз. Двое поженились.

– Да, – сказал Энди, почувствовав, как внутри нарастает ужас. Осталось только четверо? О чем говорит Квинси?

– Насколько я понимаю, один из них может гнуть ключи и захлопывать двери, не прикасаясь к ним. – Голос Квинси, слабый, прошедший через две тысячи миль по телефонному кабелю, через соединительные подстанции, через ретрансляционные пункты и телефонные узлы в Неваде, Айдахо, Колорадо, Айове, через миллион точек, где можно его подслушать.

– Правда, – сказал Энди, пытаясь говорить спокойно. И подумал о Вики, которая иногда включала радио или выключала телевизор, не подходя к ним; Вики, очевидно, даже не признавала, что делает такое.

– Да, правда, – звучал голос Квинси. – Он – как бы это сказать – документально подтвержденный факт. У него болит голова, если он часто экспериментирует, но он может делать подобные вещи. Его держат в маленькой комнате с дверью, которую он не может открыть, и замком, который он не может согнуть. Они проводят над ним опыты. Он гнет ключи. Он запирает двери. И, насколько я понимаю, он почти безумен.

– О... Боже... – едва слышно произнес Энди.

– Он участвует в таких опытах во имя мира, так что ничего страшного, если он сойдет с ума, – продолжал Квинси. – Он сойдет с ума, чтобы вести двадцать миллионов американцев оставались в безопасности, свободными. Понимаешь?

– Да, – прошептал Энди.

– Что сказать о тех двоих, которые поженились? Ничего. Насколько известно, они мирно живут в каком-то тихом среднеамериканском штате вроде Огайо. Возможно, их ежегодно проверяют: не сгибают ли они ключи, не закрывают ли двери, не прикасаясь к ним, не демонстрируют ли маленькие психологические трюки на местном карнавале в пользу страдающих мускульной дистрофией. Хорошо, что эти люди не могут делать ничего подобного, правда, Энди?

Энди закрыл глаза и вдохнул запах сторовшей ткани. Иногда Чарли открывала дверцу холодильника, заглядывала туда и отползала. А если Вики в этот момент гладила, стоило ей взглянуть на дверцу – и та сама закрывалась, притом Вики не понимала, что делает нечто необычное. Так случалось иногда. Иногда так не получалось: ей приходилось оставлять глаженые и закрывать дверцу холодильника самой (или выключать радио, или включать телевизор). Вики не могла сгибать ключи, или читать мысли, или висеть в воздухе, или поджигать предметы, или предсказывать будущее. Иногда она могла закрыть дверь, находясь в другом конце комнаты, – это был верх ее возможностей. Иногда после подобных действий Энди замечал, что она жалуется на головную боль или боли в животе, но он не знал, была ли это непосредственная реакция или какое-то глухое предостережение со стороны ее подсознания. Во время месячных ее способности немного возрастали. Но они были такими незначительными и проявлялись так редко, что Энди считал их нормальными. Что же касается его самого... ну, он мог мысленно подталкивать людей. Какого-то названия этому не существовало; вероятно, ближе всего подходит самогипноз. Часто прибегать к этому он не мог – начинала болеть голова. Большую часть времени он совершенно забывал о своей необычности, а по сути, не был уже нормальным после того эксперимента в Джейсон-Гирни-Холле.

Он закрыл глаза и на темном фоне под веками увидел похожее на запятую пятно и несуществующие слова COR OSUM.

– Да, это хорошо, – продолжал Квинси, словно Энди согласился. – А то они могут поместить их в две маленькие комнатки, где они будут не разгибая спины работать во имя безопасности и свободы двухсот двадцати миллионов американцев.

– Это хорошо, – согласился Энди.

– Что касается тех двенадцати человек, – сказал Квинси, – они, может, дали тем двенадцати лекарство, действие которого сами не предвидели. Может быть, кто-то – некий сумасшедший доктор – намеренно ввел их в заблуждение. Или, может, он думал, что вводит их в заблуждение, а на самом деле они руководили им. Не имеет значения.

– Не имеет.

– В итоге тем двенадцати дали снадобье, и оно, возможно, несколько изменило их хромосомы. А может, сильно изменило. Да кто знает? Может, двое из них поженились, решили завести ребеночка, и, может, ребеночек приобрел нечто большее, чем ее глаза и его рот. Не заинтересует ли тех этот ребенок?

– Думаю, заинтересует, – сказал Энди, напуганный до такой степени, что ему трудно было говорить. Он уже решил, что не скажет Вики о разговоре с Квинси.

– Представь: берешь лимон, он замечателен, и берешь пирожное меренгу, тоже замечательное, но, если смешать их, получится... блюдо с совершенно новым вкусом. Уверен, им хотелось бы посмотреть, на что способен этот ребенок. Они только хотели бы заполучить его, посадить в маленькую комнату и посмотреть, не поможет ли он сохранить демократию на планете. И, пожалуй, это все, что я хотел сказать, старина, вот только еще... *не возникай!*

Голоса в комнате, полной привидений.

Не возникай.

Он повернул голову на подушке и посмотрел на Чарли: она крепко спала. *Чарли, дитя, что нам делать? Куда деться, чтобы нас оставили в покое? Чем все кончится?*

Ответа на вопросы не было.

Наконец он уснул, а в это время неподалеку в темноте сновала зеленая машина все еще в надежде найти крупного широкоплечего мужчину в вельветовом пиджаке и маленькую девочку со светлыми волосами в красных брючках и зеленой блузке.

Лонгмонт, Виргиния: контора

Два красивых дома, в стиле американского Юга, стояли друг против друга на длинной волнистой зеленой лужайке, которую пересекали несколько изящно изгибавшихся велосипедных дорожек и засыпанный гравием двухполосный подъездной путь, шедший из-за холма от главной дороги. Вблизи одного из этих домов находился большой сарай, выкрашенный в ярко-красный цвет с безупречно белой окантовкой. Около второго – конюшня, тоже красная с белой окантовкой. Здесь содержались лошади из числа лучших на Юге. Между сараем и конюшней отражал небо мелкий пруд для уток.

Первые владельцы этих двух домов в 1860-х годах отправились на войну, где были убиты. Все наследники обоих семейств уже умерли. В 1954 году эти владения стали единой государственной собственностью. Здесь разместилась Контора.

В девять часов десять минут солнечным октябрьским днем – назавтра после отъезда Энди и Чарли из Нью-Йорка в Олбани на такси – в направлении одного из домов ехал на велосипеде пожилой человек с добродушными блестящими глазами, в шерстяной английской спортивной кепке. Позади него за вторым бугром находился контрольный пункт, пропустивший его лишь после проверки электронной системой отпечатка его большого пальца. Пропускной пункт располагался за двойным рядом колючей проволоки. На внешнем ряду высотой семь футов через каждые шестьдесят футов висели плакаты с надписью: «ОСТОРОЖНО! ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ! ЧЕРЕЗ ЭТУ ОГРАДУ ПРОПУЩЕН ТОК НИЗКОГО НАПРЯЖЕНИЯ!» Днем напряжение действительно было низким. Ночью же собственный генератор поднимал его до смертельных цифр, и каждое утро команда из пяти охранников объезжала ограду на маленьких электрических карах, подбирая обугленных кроликов, кротов, птиц, сурков, изредка скунсов, издававших немыслимую вонь, а то и лося. Дважды зажаренными оказались люди. Расстояние между внешним и внутренним рядами колючей проволоки составляло десять футов. Днем и ночью по этому проходу бегали сторожевые собаки, доберманы. Их научили держаться в стороне от смертельно опасной проволоки. На каждом углу всего этого сооружения возвышались сторожевые вышки, построенные из теса и выкрашенные в тот же ярко-красный цвет с белой окантовкой. На них дежурили часовые, умевшие обращаться с различным смертоносным оружием. Вся территория просматривалась телекамерами, и передававшиеся ими изображения постоянно проверялись компьютером. Заведение Лонгмонт охранялось надежно.

Пожилый человек крутил педали с улыбкой, обращенной к тем, мимо кого проезжал. Лысый старик в бейсбольной кепке прогуливал тонконогую кобылицу. Он поднял руку:

– Привет, Кэп! Какой чудный день!

– Лучше не бывает, – согласился человек на велосипеде. – Желаю добра, Генри.

Он подъехал к фасаду дома, стоящего севернее, слез с велосипеда, поставил его на упор, глубоко втянул мягкий утренний воздух и бодро поднялся по широким ступеням крыльца между широкими дорическими колоннами.

Открыв дверь, он вошел в просторный вестибюль. За столом сидела молодая рыжеволосая женщина, перед ней лежала книга со статистическими выкладками. Одной рукой она придерживала страницу, которую читала, другая находилась в верхнем ящике стола, слегка касаясь «смит-и-вессона» 38-го калибра.

– Доброе утро, Джози, – сказал пожилой человек.

– Привет, Кэп. Немного опоздали? – Симпатичным девицам сходит это с рук; сиди за столом Дуэйн, он ей не спустил бы. Кэп не был сторонником женской эмансипации.

– У меня, дорогая, заедает передача. – Он вставил большой палец в соответствующее отверстие шкафчика: что-то заурчало, на столе у Джози замигал, а затем остался гореть зеленый свет. – Веди себя хорошо.

– Постараюсь, – игриво ответила она и сдвинула колени.

Кэп громко засмеялся и прошел через холл. Она посмотрела вслед, на мгновение подумав, не следовало ли сказать ему, что минут двадцать назад пришел этот противный Уэнлесс. Сам скоро узнает, решила она и вздохнула. Стоит поговорить с таким старым чучелом, как Уэнлесс, и начало хорошего дня испорчено. И еще она подумала, что человеку вроде Кэпа, занимающему такое ответственное положение, должны доставаться не только сладкие вершки, но и горькие корешки.

Кабинет Кэпа располагался в задней половине дома. Из широкого эркера открывался восхитительный вид на лужайку позади дома, сарай и утиный прудик, частично скрытый за большой ольхой. Посередине лужайки на мини-тракторе-косилке восседал Рич Маккион. Какое-то мгновение Кэп смотрел на него, заложив руки за спину, затем двинулся к кофеварке в углу, налил себе немного кофе в кружку с надписью USN⁵, добавил туда сухих сливок, сел и нажал на кнопку переговорного устройства.

– Привет, Рэйчел, – сказал он.

– Привет, Кэп. Доктор Уэнлесс...

– Так и знал, – сказал Кэп. – Знал. Я почуял, что эта старая шлюха здесь, едва вошел.

– Сказать ему, что вы сегодня заняты?

– Ничего не говорите, – решительно сказал Кэп. – Пусть проведет в желтой комнате все это прекрасное утро. Если он не решит уйти домой, я, может, и приму его перед ленчем.

– Хорошо, сэр.

Проблема решена, по крайней мере для Рэйчел, подумал Кэп с мимолетным чувством неприязни. Уэнлесс явно не был ее проблемой. Суть дела в том, что Уэнлесс становится все более обременительным, исчерпав свои возможности приносить пользу и оказывать влияние. Что ж, всегда есть лагерь Мауи. Есть и Рэйнберд.

При этом Кэп внутренне содрогнулся... а его не так-то легко было вогнать в дрожь.

Он опять нажал клавишу переговорного устройства.

– Я снова хочу получить все досье Макги, Рэйчел. А в десять тридцать я еще раз хочу поговорить с Элом Стейновицем. Если Уэнлесс не уйдет, пока я переговорю с Элом, можете послать его ко мне.

– Очень хорошо, Кэп.

Он откинулся в кресле, соединив кончики пальцев, и бросил взгляд на портрет Джорджа Паттона на противоположной стене. Паттон стоял выпрямившись на верхнем люке танка, словно он считал себя герцогом Уэйном или кем-то еще.

– Жить нелегко, если не умеешь расслабиться, – сказал он портрету Паттона и отхлебнул кофе.

Через десять минут Рэйчел ввезла досье на бесшумной библиотечной тележке. Оно состояло из шести папок документов, сообщений и четырех папок с фотографиями. Там же были записи телефонных разговоров. Телефон Макги прослушивался с 1978 года.

– Спасибо, Рэйчел.

– Пожалуйста. Мистер Стейновиц будет здесь в десять тридцать.

– Разумеется, будет. Уэнлесс еще не умер?

⁵ ВМФ США.

– Боюсь, что нет, – сказала она улыбаясь. – Он просто сидит там и наблюдает, как Генри прогуливает лошадей.

– Терзает свои чертовы сигареты?

Рэйчел, словно школьница, прикрыла рот рукой, хихикнула и кивнула:

– Обработал уже половину пачки.

Кэп что-то проворчал. Рэйчел вышла, а он занялся досье. Сколько раз он листал его за последние одиннадцать месяцев? Десять? Двадцать? Суть его он знал почти наизусть. И если Эл прав, он получит двух оставшихся Макги и посадит их под замок к концу недели. Эта мысль вызвала какое-то острое щекочущее чувство.

Он начал перелистывать досье Макги, то вытаскивая наугад лист, то прочитав какой-нибудь абзац. Это был его метод восстанавливать в памяти положение дел. Его мозг был как бы выключен, но подсознание работало на высоких оборотах. Сейчас ему нужны не детали, необходимо охватить взором все дело целиком. Как говорят бейсболисты, нужно найти биту.

Вот докладная самого Уэнлесса, Уэнлесса более молодого (увы, все они тогда были моложе), датированная 12 сентября 1968 года. Внимание Кэпа привлекла часть абзаца:

...громадное значение в продолжающемся изучении управляемых параспсихических явлений. Дальнейшие опыты на животных пользы не принесут (см. на обороте п.1) и, как я подчеркивал на совещании нынешним летом, опыты на заключенных или других людях с отклонениями могут привести к серьезным последствиям, если «лот шесть» обладает хотя бы отчасти предполагаемой силой действия (см. на обороте п.2). Поэтому я вновь рекомендую...

Ты вновь рекомендуешь, чтобы мы продолжали вливать его в контрольные группы студентов, имея наготове план действий в случае неудачи, подумал Кэп. В те времена Уэнлесс не напускал никакого тумана. Действительно никакого. Его девиз в те времена: полный вперед, а отставших – к черту. Двенадцать человек подверглись опыту. Двое умерли: парень во время опыта и девушка вскоре после. Двое сошли с ума, получив тяжелые увечья, – один ослеп, другого разбил паралич на нервной почве, оба находились в лагере Мауи, где и пробудут до конца своей жалкой жизни. Осталось восемь. Один из них погиб в автомобильной катастрофе в 1972 году: почти наверняка это была не катастрофа, а самоубийство. Другой прыгнул с крыши почты в Кливленде в 1973 году – никаких сомнений относительно него не было, – оставив записку, что «не может больше выносить картин, возникающих у него в голове». Полиция Кливленда вынесла заключение, что это результат ведущей к самоубийству депрессии и паранойи. Кэп и Контора пришли к выводу, что это результат воздействия «лот шесть». Итак, оставалось шестеро.

Позднее, между 1974 и 1977 годами, трое покончили самоубийством, тем самым доведя общую цифру явных самоубийств до четырех, а может, и до пяти. Можно сказать, половина класса. Все четверо, несомненно, покончили с собой, хотя казались нормальными до того момента, как прибегли к револьверу, веревке или прыгнули с большой высоты. Но кто скажет, через что они прошли? И кто действительно знал это?

В итоге осталось трое. Начиная с 1977 года, когда основательно забытый эксперимент, связанный с «лот шесть», опять внезапно стал горячо обсуждаться, за Джеймсом Ричардсоном, ныне живущим в Лос-Анджелесе, установили постоянное скрытое наблюдение. В 1969 году он участвовал в эксперименте с «лот шесть» и во время действия этого препарата демонстрировал тот же потрясающий набор способностей, что и остальные: телекинез, передачу мыслей и – возможно, самое интересное явление из всех, по крайней мере с точки зрения Конторы, – мысленное внушение.

Но, как и другие, по мере прекращения действия препарата Джеймс Ричардсон утратил эти способности. Собеседования, проведенные в 1971, 1973 и 1975 годах, ничего не пока-

зали. Даже Уэнлесс не мог не признать этого, а ведь он был фанатически уверен в препарате «лот шесть». Выборочные данные компьютера (они стали гораздо менее выборочными после того, как началась история с Макги) постоянно показывали, что Ричардсон ни сознательно, ни неосознанно не обладает силой психического внушения. Он окончил колледж в 1971 году, перебрался на Запад, сменив несколько низших руководящих должностей – без всякого мысленного внушения, и теперь работал в «Телемайн корпорейшн».

И вообще он гнусный гомик.

Кэп вздохнул.

Они продолжали наблюдать за Ричардсоном, но Кэп был убежден, что тут они потерпели полное фиаско. Оставались двое – Энди Макги и его жена. Их неожиданный брак не остался незамеченным Конторой и Уэнлессом, последний начал бомбардировать начальство докладными, предлагая внимательно наблюдать за любым отпрыском этого брака, – можно сказать, начал считать цыплят, не дождавшись осени, – не однажды Кэпа подмывало сказать Уэнлессу, что, по их сведениям, Энди Макги стерилизовался. Тогда этот старый сукин сын заткнулся бы. К тому времени Уэнлесс схлопотал инсульт и стал бесполезен, совсем пустое место, сплошное неудобство.

С «лот шесть» провели лишь один эксперимент. Результаты его оказались такими катастрофическими, что все покрыли тайной – большой, непроницаемой... и весьма дорогостоящей. Сверху поступил приказ установить на неопределенное время мораторий на дальнейшие эксперименты. Уэнлессу представилась возможность повопить, подумал Кэп... И он действительно вопил. Однако не было никаких признаков, что русские или какая-то другая мировая держава интересуются психическими эффектами лекарств, и высшее военное начальство решило: несмотря на некоторые положительные результаты, «лот шесть» ничего не дает. Рассматривая отдельные результаты, один из ученых, работавших над этой идеей, сравнил ее с установкой реактивного мотора на старом «форде». Да, он мчался как ветер... пока не наткнулся на первое же препятствие. «Дайте нам еще десять тысяч лет эволюции, – говорил этот тип, – и мы попытаемся снова».

Часть проблемы состояла в следующем: когда в результате вливания препарата парапсихические силы находились в зените, подопытные сходили с ума. Управлять этим процессом было невозможно. С другой стороны, высшее начальство чуть ли не в штаны накладывало. Скрыть гибель агента или даже случайного свидетеля операции – это одно. Скрыть же смерть студента, у которого инфаркт, исчезновение двух других, истерию и паранойю у третьих – совсем другое дело. У всех есть друзья и сокурсники даже при том, что одно из условий отбора лиц для проведения опыта – минимальное количество близких родственников. Цена и риск – огромные. Чтобы замолчать это дело, потребовались семьсот тысяч долларов из секретного фонда и ликвидация по крайней мере одного человека – крестного отца того парня, который вырвал себе глаза. Этот крестный никак не хотел успокоиться. Он норовил добраться до сути. В итоге единственное место, куда он добрался, – дно Балтиморского канала, где, очевидно, и пребывает до сих пор с двумя цементными блоками, привязанными к останкам ног.

И все же во многом – чертовски во многом – это было дело случая, да, дело случая.

В итоге эксперимент «лот шесть» положили в долгий ящик, однако ежегодно выделяя на него ассигнования.

Деньги шли на организацию периодического наблюдения за оставшимися в живых. Руководство рассчитывало, что в скором времени станет известно что-то новое: выявится какая-то закономерность.

Так и случилось.

Кэп перелистал папку с фотографиями и нашел черно-белый глянцевый снимок, восемь на двенадцать, с изображением девочки. Ее фотографировали три года назад, когда ей было четыре года и она ходила в бесплатный сад в Гаррисоне. Снимок был сделан с помощью теле-

объектива из-за дверцы хлебного фургона, затем увеличен и скадрирован так, чтобы убрать играющих мальчишек и девчонок и выделить портрет улыбающейся малютки с торчащими косичками и скакалкой в руках.

Кэп некоторое время умиленно смотрел на снимок. У Уэнлесса после инсульта появился страх. Уэнлесс решил, что девочку надо бы ликвидировать. И хотя Уэнлесс ныне не у дел, внутри организации нашлись люди, согласившиеся с ним. Однако Кэп очень надеялся, что до этого дело не дойдет. У него у самого было трое внучат, двое – в возрасте Чарли Макги.

Конечно, им придется отнять девочку у отца. Возможно, навсегда. Его же, после того как он сыграет свою роль, почти наверняка ликвидируют. Почти наверняка...

Было четверть одиннадцатого. Он позвонил Рэйчел:

– Эл Стейновиц еще не появился?

– Только что прибыл, сэр.

– Очень хорошо. Пришлите его ко мне, пожалуйста.

– Я хочу, Эл, чтобы вы лично довели операцию до конца.

– Понял, Кэп.

Элберт Стейновиц – маленький человек с бледно-желтоватым лицом и иссиня-черными волосами; в молодые годы его иногда принимали за актера Виктора Джори. Кэп сталкивался по работе со Стейновицем на протяжении почти восьми лет – они оба пришли сюда из военно-морского флота. Ему всегда казалось, что Эл вот-вот ляжет в больницу и больше не выйдет оттуда. Эл курил всегда и везде, но здесь это не разрешалось. Он ходил медленным, величественным шагом, придававшим ему какое-то странное подобие достоинства, а достоинство всегда связано в представлении людей с мужественностью. Кэп, видевший все медицинские карты агентов Первого отдела, знал, что величественная поступь Элберта – липа; он страдал от геморроя и уже дважды делал операцию, от третьей отказался: она могла окончиться свищом до конца жизни. Его величественная походка всегда напоминала Кэпу сказку о русалке, хотевшей стать женщиной, и о цене, которую она заплатила за то, что вместо рыбьего хвоста получила ноги. Кэп предполагал, что ее шаг, вероятно, тоже был величественным.

– Когда сможете быть в Олбани? – спросил он Эла.

– Через час после отъезда отсюда.

– Хорошо. Я вас не задержу. Как там дела?

Элберт зажал свои маленькие желтоватые руки между коленями.

– Нам помогает полиция штата. Все дороги, ведущие из Олбани, перекрыты. Пикеты установлены по концентрическим окружностям с аэропортом Олбани в центре. Радиус – тридцать пять миль.

– Вы исходите из того, что они не поймали попутку.

– Приходится, – сказал Элберт. – Если же их кто-то подобрал и увез за двести миль или больше, то нам, конечно, придется начинать все сначала. Но я уверен, что они внутри этого круга.

– Да? Почему же, Элберт? – Кэп подался вперед. Элберт Стейновиц был, без сомнения, лучшим агентом в Конторе, если не считать Рэйнберда: умен, с прекрасно развитой интуицией и – если требовало дело – безжалостен.

– Отчасти интуиция, – сказал Элберт. – Отчасти данные, полученные от компьютера, в который мы заложили все, что знали о трех последних годах жизни Эндрю Макги. Мы запросили у машины сведения о любых ситуациях, которые могут возникнуть в результате проявления его предполагаемых особых способностей.

– У него они есть, Эл, – мягко произнес Кэп. – Вот почему эта операция так чертовски деликатна.

– Да, они есть, – сказал Эл. – Но данные компьютера наводят на мысль, что его возможности пользоваться ими чрезвычайно ограничены. Если он прибегает к ним слишком активно, то заболевает.

– Правильно. На это мы и рассчитываем.

– Он занимался вполне легальным делом в Нью-Йорке, чем-то похожим на группы Дейла Карнеги.

Кэп кивнул. «Поверь в себя» – курс, предназначенный в основном для застенчивых администраторов. Он давал ему и девочке средства на кусок хлеба с маслом, не более.

– Мы опросили его последнюю группу, – сказал Элберт Стейновиц. – Шестнадцать человек; они платили за обучение двумя отдельными взносами – сто долларов при поступлении, сто по ходу занятий, если результат был очевиден. Конечно же, он был очевиден.

Кэп кивнул. Способности Макги очень подходили для того, чтобы вселять в людей уверенность. Он буквально *вталкивал* в них эту уверенность.

– Мы заложили в компьютер их ответы на несколько ключевых вопросов. Вопросы были такие: появлялась ли у вас вера в себя и в результаты курса «Поверь в себя» в какие-то конкретные моменты? Можете ли вы вспомнить рабочие дни сразу после посещения занятий на курсе, когда вы чувствовали себя так, словно в вас вселился тигр? Были ли вы...

– Чувствовали себя словно тигр? – повторил Кэп. – Боже, вы спрашивали их, чувствовали ли они себя тиграми?

– Слово нам подсказал компьютер.

– Хорошо, продолжайте.

– Третий ключевой вопрос: добились ли вы каких-нибудь конкретных успехов в работе после прохождения курса «Поверь в себя»? На этот вопрос они все могли ответить объективно и точно: люди склонны помнить день, когда они получили надбавку к жалованью или босс похлопал их по плечу. Они отвечали охотно. Мне показалось это даже немного страшноватым, Кэп. Он действительно выполнял свое обещание. Одиннадцать из шестнадцати получили повышение, обратите внимание – *одиннадцать*. Трое из оставшихся пятерых работают в таких местах, где повышают крайне редко.

– Никто не оспаривает способности Макги, – сказал Кэп. – Уже не оспаривает.

– Хорошо. Продолжим. Курс был шестинедельный. Используя ответы на наши вопросы, компьютер указал четыре ключевые даты... то есть дни, когда Макги, вероятно, добавлял к обычным гип-гип-ура-вы-можете-это-сделать-если-постараетесь довольно сильный мысленный посыл. Этими датами были семнадцатое августа, первое сентября, девятнадцатое сентября... и четвертое октября.

– И что это доказывает?

– Ну, он мысленно обработал прошлой ночью того водителя такси. Обработал здорово. Этот парень до сих пор не опомнился. Мы полагаем, что Энди Макги выдохся. Болен. Может, даже не в состоянии двигаться. – Эл в упор посмотрел на Кэпа. – Компьютер показал нам двадцать шесть процентов вероятности его смерти.

– *Что?*

– Ну, так уже бывало. Он выкладывался до такой степени, что заболел. Эти послы наносят какой-то ущерб его мозгу... Бог его знает какой. Вероятно, происходят точечные кровоизлияния. Все это может прогрессировать. По подсчету компьютера, чуть выше одного из четырех шансов, что он умер либо от инфаркта, либо, что более вероятно, от инсульта.

– Ему пришлось расходовать свою энергию до того, как он ее восстановил, – сказал Кэп.

Элберт кивнул и вынул из кармана какой-то предмет – в конверте из гибкого прозрачного пластика. Он передал его Кэпу, тот взглянул и возвратил.

– Ну и что это значит? – спросил он.

– Не очень много, – сказал Эл, задумчиво глядя на купюру в пластиковом конверте. – Только то, что этим Макги расплатился за поездку на такси.

– Он доехал до Олбани из Нью-Йорка за один доллар, а? – Кэп снова взял купюру и посмотрел на нее уже с интересом. – Плата наверняка должна была равняться... что за черт! – Он уронил купюру в пластик на стол, словно обжегшись, и сидел, усиленно моргая.

– Вы тоже, да? – сказал Эл. – Видели?

– Боже, не пойму, что я видел, – сказал Кэп и потянулся к керамической коробочке, где он держал таблетки от изжоги. – На какое-то мгновение она и мне показалась не похожей на однодолларовую бумажку.

– А теперь похожа?

Кэп уставился на купюру:

– Конечно, похожа. Это же Джордж, все... Боже! – Он откинулся в кресле с такой силой, что чуть не стукнулся головой о панельную обшивку стены, посмотрел на Эла. – Лицо... как будто на мгновение изменилось, надел очки, что ли. Это трюк?

– Чертовски классный трюк, – сказал Эл, забирая назад купюру. – Мне тоже привиделось, хотя это больше не повторяется. Наверное, пригляделся... хотя убей меня Бог, если знаю как. Конечно, какая-то дурацкая галлюцинация. Я даже узнал лицо. Это Бен Франклин.

– Вы взяли ее у водителя такси? – спросил Кэп, завороченно глядя на купюру в надежде вновь увидеть смену картинки. Но там был все тот же Джордж Вашингтон.

Эл засмеялся.

– Да, – сказал он. – Мы взяли купюру и выписали ему чек на пятьсот долларов. Ему действительно повезло.

– Почему?

– Бен Франклин не на пятисотдолларовой бумажке, а на сотенной. Очевидно, Макги не знал.

– Дайте-ка взглянуть снова.

Эл протянул долларовую купюру Кэпу, и тот минуты две пристально вглядывался в нее. Когда он уже собирался отдать ее, она на миг снова будто изменилась, стала другой. Но по крайней мере на сей раз он был уверен, что все это произошло у него в голове, а не в купюре... на купюре или где-то там еще.

– Скажу вам больше, – сказал Кэп. – Не уверен, что Франклин на купюре в очках. Иначе говоря, это... – Он замолчал, не зная, как закончить свою мысль. В голову пришло нечто чертовски сверхъестественное, и он отбросил его.

– Да, – сказал Эл. – Что бы это ни было, оно постепенно исчезает. Сегодня утром я показал ее, вероятно, шестерым. Двоим показалось, будто мелькнуло что-то, но совсем не то, что видели водитель и девица, с которой он живет.

– Так вы считаете, что его посыл был слишком сильным?

– Да. Он вряд ли в состоянии двигаться после этого. Они могли переночевать в лесу или в каком-то отдаленном мотеле. Могли проникнуть в один из дачных домиков округи. Думаю, что где-то рядом и мы захватим их без особого труда.

– Сколько людей нужно для этого?

– Людей достаточно, – сказал Эл. – С учетом полиции штата в этом семейном пикнике участвует более семисот человек. В боевой готовности. Они обойдут все дома, постучатся в каждую дверь. Мы уже проверили все отели и мотели в близлежащем к Олбани районе – более сорока. Теперь прочесываем соседние городки. Мужчина и девочка... их видно, как волдырь на большом пальце. Поймаем. Или одну девочку, если он умер. – Элберт встал. – Мне пора. Хотелось бы присутствовать при завершении операции.

– Конечно. Доставьте их мне, Эл.

– Обязательно, – сказал Элберт и направился к двери.

– Элберт?

Он повернулся – маленький человек с нездоровым желтым лицом.

– Кто же на самом деле на пятисотенной? Вы это проверили?

Элберт Стейновиц улыбнулся.

– Маккинли, – сказал он. – Его убили.

Он вышел, осторожно прикрыв за собой дверь и оставив Кэпа погруженным в раздумье.

Через десять минут Кэп снова нажал на кнопку переговорного устройства:

– Рэйчел, Рэйнберд уже вернулся из Венеции?

– Еще вчера, – сказала Рэйчел, и Кэпу показалось, что он услышал неприязнь даже в тщательно отработанном тоне секретарши-при-боссе.

– Он здесь или на Сэнибеле? – Контора имела свой дом отдыха на острове Сэнибел во Флориде.

Пауза – Рэйчел сверялась с компьютером.

– В Лонгмонте, Кэп. С восемнадцати ноль-ноль вчера. Наверное, отсыпается после полета.

– Пусть кто-нибудь его разбудит, – сказал Кэп. – Я хотел бы видеть его после Уэнлесса... если, конечно, Уэнлесс все еще здесь.

– Пятнадцать минут назад был.

– Хорошо... Пускай Рэйнберд придет в двенадцать.

– Да, слушаю, сэр.

– Вы хорошая девушка, Рэйчел.

– Спасибо, сэр. – Слышно было, что она тронута. Кэпу она нравилась, очень нравилась.

– Пожалуйста, Рэйчел, пришлите доктора Уэнлесса.

Он откинулся, сцепил руки перед собой и подумал: грехи мои тяжкие.

Доктора Джозефа Уэнлесса сразил инсульт в тот самый день, когда Ричард Никсон объявил об уходе с поста президента, – 8 августа 1974 года. Это было кровоизлияние в мозг средней тяжести, от которого ему не суждено было оправиться окончательно физически, а также и в умственном отношении, считал Кэп. Именно после удара он стал постоянно и навязчиво интересоваться экспериментом с «лот шесть» и его последствиями.

Он вошел в комнату, опираясь на палку, свет из окна скользнул по его круглым очкам без оправы и мутно отразился в них. Левая рука была скрючена. Левый уголок рта был опущен, будто в постоянной леденящей усмешке.

Рэйчел из-за плеча Уэнлесса сочувственно взглянула на Кэпа, и тот кивнул ей, что она может идти. Девушка ушла, тихо закрыв дверь.

– А вот и добрый доктор, – без тени юмора сказал Кэп.

– Как развиваются события? – спросил Уэнлесс, садясь и крякнув.

– Секрет, – ответил Кэп. – Вам это известно, Джо. Чем могу быть полезен сегодня?

– Наблюдал тут возню, – сказал Уэнлесс, не обратив внимания на вопрос Кэпа. – Что еще оставалось делать, пока я бил баклуши все утро.

– Вы пришли, предварительно не договорившись о встрече...

– Вы считаете, что они у вас почти в руках, – сказал Уэнлесс. – Зачем иначе тут этот мясник Стейновиц? Ну может, так оно и есть. Но вы же и раньше так считали, правда?

– Что вам нужно, Джо? – Кэп не любил напоминаний о прошлых провалах. Однажды они почти поймали девчонку. Участвовавшие в операции люди нетрудоспособны до сих пор и, вероятно, останутся таковыми до конца своих дней.

– Что мне всегда нужно? – спросил Уэнлесс, согнувшись и опираясь на палку. О Боже, подумал Кэп, опять этот старый дурак будет разглагольствовать. – Зачем я остался жив? Чтобы

убедить вас ликвидировать их обоих. Ликвидировать Джеймса Ричардсона. Ликвидировать тех, в Мауи. Ликвидировать полностью, капитан Холлистер. Покончить с ними. Стереть с лица земли.

Кэп вздохнул.

Уэнлесс скрюченной рукой показал в сторону тележки и сказал:

– Вы, смотрите, снова листали досье.

– Я помню его почти наизусть, – сказал Кэп и чуть улыбнулся. «Лот шесть» набил ему оскомину за весь прошедший год. Последние два года этот препарат был постоянной темой обсуждений. Так что, пожалуй, Уэнлесс не единственный здесь человек с навязчивой идеей.

Вся разница в том, что мне за это платят. А для Уэнлесса это хобби. И опасное хобби.

– Вот читаете досье, а урок из него извлечь не хотите, – сказал Уэнлесс. – Дайте же мне возможность еще раз обратить вас на путь истины, капитан Холлистер.

Кэп начал было протестовать, но вовремя вспомнил о предстоящем в полдень визите Рэйнберда, и выражение его лица смягчилось, стало спокойным, даже понимающим.

– Хорошо, – бросил он, – валяйте.

– Вы считаете, что я сумасшедший, да? Чокнутый.

– Вы это сказали, не я.

– Напоминаю: я первый предложил программу испытаний с кислотой ДЛТ.

– Иногда я сожалею, что вы это сделали, – сказал Кэп. Когда он закрыл глаза, ему отчетливо представился первый доклад Уэнлесса, его предложения на двухстах страницах по поводу препарата, известного как ДЛТ, а среди работавших над ним специалистов как «активатор», впоследствии как «лот шесть». Предшественник Кэпа дал добро первоначальной идее; этот джентльмен был похоронен шесть лет назад на Арлингтонском кладбище со всеми воинскими почестями.

– Я лишь хочу сказать, что к моему мнению стоит прислушаться, – проворчал Уэнлесс. Нынче утром он произносил слова устало, медленно и невнятно. Когда говорил, перекошенный рот с левой стороны был неподвижен.

– Слушаю, – сказал Кэп.

– Насколько мне известно, я единственный психолог и врач, которого вы вообще выслушиваете. Ваши люди ослеплены одной идеей и только ею: какое значение этот человек и его девочка могут иметь для безопасности Америки... и, возможно, для последующего баланса сил в мире. Анализируя поведение этого Макги, можно сказать, что он своего рода благожелательный Распутин. Он способен...

Уэнлесс продолжал что-то говорить, но Кэп временно отключился. *Благожелательный Распутин*, думал он. Как ни парадоксально звучала эта фраза, она ему понравилась. Его заинтересовало, как отреагировал бы Уэнлесс, если ему сказать, что, согласно подсчету компьютера, один шанс к четырем, что Макги, покидая Нью-Йорк, ликвидировал себя. Вероятно, был бы вне себя от радости. А если бы он показал Уэнлессу эту странную купюру? Его, возможно, хватил бы еще один удар, подумал Кэп и прикрыл рот рукой, чтобы спрятать улыбку.

– Больше всего меня беспокоит девчонка, – говорил Уэнлесс в двенадцатый? тринадцатый? пятидесятый? раз. – Макги и Томлинсон женятся... один шанс из тысячи. Это нужно было предотвратить во что бы то ни стало. И кто мог предположить...

– Тогда вы все выступали за это, – сказал Кэп и добавил сухо: – Не сомневаюсь, что вы согласились бы стать посаженным отцом невесты, если бы вас в то время об этом попросили.

– Никто не предполагал, – пробормотал Уэнлесс. – Лишь insult заставил меня прозреть. «Лот шесть» не что иное как синтетическая копия секрета гипофиза, в конце концов... чрезвычайно сильный болеутолитель-галлюциноген, действия которого мы тогда не понимали, как не понимаем и сейчас. Мы знаем – или по крайней мере на девяносто девять процентов уверены, – что естественный аналог этого состава каким-то образом способствует периодиче-

ским проявлениям парапсихических способностей, их время от времени демонстрируют все человеческие существа. Набор этих проявлений удивительно широк: предвидение, телекинез, мысленное внушение, вспышки сверхчеловеческой силы, временный контроль над симпатической нервной системой. Знаете ли вы, что гипофиз внезапно становится сверхактивным при всех экспериментах с биологической обратной связью?

Кэп знал. Уэнлесс говорил ему это тысячу раз. Но отвечать нужды не было; нынешним утром красноречие Уэнлесса расцвело вовсю. И Кэп готов был слушать... в последний раз. Пусть старик подержится за биту. Для Уэнлесса это последний матч.

– Да, правда, – ответил Уэнлесс самому себе. – Он активен при биологической обратной связи, он активен в состоянии глубокого сна, и люди с поврежденным гипофизом редко спят нормально. Люди с поврежденным гипофизом очень часто подвергаются риску опухолей на мозге и лейкемии. Это – гипофиз, капитан Холлистер. Если говорить об эволюции, старейшая эндокринная железа в человеческом организме. В подростковом возрасте она выделяет в кровяной ток свой секрет в количестве, во много раз превосходящем собственный вес. Это чрезвычайно важная железа, чрезвычайно таинственная железа. Если бы я верил в существование человеческой души, капитан Холлистер, я бы сказал, что она находится в гипофизе.

Кэп усмехнулся.

– Мы это знаем, – сказал Уэнлесс, – знаем, что «лот шесть» каким-то образом изменил физическое строение гипофиза лиц, участвовавших в эксперименте. Даже у вашего так называемого «тихого» Джеймса Ричардсона. Чрезвычайно важно вот что: проанализировав необычные способности девочки мы можем вывести закономерность – в результате опыта изменилась хромосомная структура... А изменения в гипофизе могут привести к подлинной мутации.

– Ей был передан Х-фактор.

– Нет, – сказал Уэнлесс. – Это одна из многих вещей, которые вы не можете понять, капитан Холлистер. Эндрю Макги стал Х-фактором после эксперимента. Виктория Томлинсон стала Y-фактором – она тоже изменилась, но не в такой степени, как ее муж. У этой женщины появилась слабая телекинетическая способность. У мужчины возникли среднего уровня способности подчинять психику других. Девочка, однако... Девочка, капитан Холлистер... Что она? По-настоящему мы не знаем. Она – Z-фактор.

– Мы намереемся это узнать, – мягко сказал Кэп.

Теперь оба уголка рта Уэнлесса кривились в презрительной усмешке.

– Вы намереваетесь узнать, – повторил он. – Да, если будете настойчивы, то, конечно, сможете... вы слепые, одержимые болваны. – Он на мгновение закрыл глаза и прикрыл их рукой.

Кэп спокойно наблюдал за ним.

Уэнлесс сказал:

– Одно вы уже знаете. Она зажигает огонь.

– Да.

– Вы предполагаете, что она унаследовала телекинетическую энергию матери. Во всяком случае, вы это сильно подозреваете.

– Да.

– Когда она была совсем маленьким ребенком, то вовсе не могла контролировать эти... эти таланты – не найду лучшего слова.

– Маленький ребенок не в состоянии контролировать собственный мочевой пузырь, – сказал Кэп, прибегая к одному из примеров, содержащихся в досье. – Но когда ребенок вырастает...

– Да, да, я знаком с подобной аналогией. Но и с более взрослым ребенком могут происходить неожиданности.

Кэп ответил улыбаясь:

– Мы собираемся держать ее в комнате с огнеупорными стенами.

– В камере.

Кэп опять улыбнулся:

– Если это вам больше нравится.

– Я предлагаю вам такой вывод, – сказал Уэнлесс. – Она не любит пользоваться своей способностью. Она напугана, и этот страх был внушен ей вполне сознательно. Я приведу аналогичный пример. Ребенок моего брата. В доме были спички. Фредди хотелось играть с ними. Зажигать, а затем гасить. «Здорово, здорово», – говорил он. Брат решил выработать стереотип поведения. Запугать ребенка так, чтобы он никогда больше не играл со спичками. Он сказал ему, что головки спичек из серы и от них его зубы сгниют и выпадут. Что смотреть на горящие спички нельзя – можно ослепнуть. И, наконец, он мгновение подержал ладонь Фредди над зажженной спичкой и обжег ее.

– Ваш брат, – пробормотал Кэп, – просто настоящий гений.

– Лучше небольшое красное пятно на руке мальчика, чем ребенок в палате для обожженных, весь во влажных повязках, с ожогами третьей степени на большей части кожи, – сказал Уэнлесс урюмо.

– Лучше убирать спички от детей.

– А вы можете убрать от Чарлин Макги ее спички? – спросил Уэнлесс.

Кэп медленно кивнул:

– В этом есть кое-какой резон, но...

– Спросите себя, капитан Холлистер: как тяжело пришлось Эндрю и Виктории Макги, когда их ребенок был совсем крошкой? Опоздали с молочной бутылочкой. Ребенок плачет. Одновременно один из игрушечных зверьков прямо *там, в кровати рядом с ней*, вспыхивает дымным пламенем. Испачкана пеленка. Детка плачет. Через мгновение грязное белье в корзине загорается. У вас есть отчеты, капитан Холлистер; вы знаете, что было в том доме. Огнетушитель и индикатор дыма в каждой комнате. А однажды загорелись ее собственные волосы, капитан Холлистер; родители вошли к ней в комнату и увидели, что она стоит в своей кровати и плачет, а волосы горят.

– Да, – сказал Кэп, – это, должно быть, заставляло их чертовски нервничать.

– Понимаете, – сказал Уэнлесс, – они научили ее не только проситься на горшок, они научили ее еще не зажигать огонь.

– Противопожарные учения, – задумчиво произнес Кэп.

– А это означает, что, как мой брат у своего сына Фредди, они выработали у нее стереотип поведения. Вы привели эту аналогию, капитан Холлистер, так давайте рассмотрим ее на минуточку. Что такое учить проситься на горшок? Выработать привычку – просто и ясно. – Внезапно голос старика взвился до невероятно высокого, дрожащего дисканта, стал голосом женщины, бранящей ребенка.

Кэп наблюдал со смесью удивления и отвращения.

– Ты паршивая девчонка! – кричал Уэнлесс. – Посмотри, что наделала! Нехорошо, детка, видишь, как противно? Нехорошо делать в штанишки! Разве взрослые делают в свои штанишки? Делай в горшочек, детка, *в горшочек*.

– Прошу вас... – страдальчески произнес Кэп.

– Так создается стереотип поведения, – сказал Уэнлесс. – Обучить личному туалету – значит обратить внимание ребенка на его собственные отправления таким образом, чтобы он увидел, сравнивая с поведением других, что именно плохо в его поступке. Вы можете спросить, насколько прочно укореняется этот комплекс в ребенке? Тот же вопрос задал себе Ричард Дэмон из Вашингтонского университета и для выяснения его провел эксперимент. Он объявил о наборе пятидесяти добровольцев среди студентов. Накачивал их содовой водой и молоком,

пока им всем стало неважно. Спустя какое-то время он сказал им, что он их отпустит, если они сделают... в штаны.

– Отвратительно, – сказал громко Кэп, чувствуя подступающую тошноту. – Это не опыт, а упражнение в дегенеративности.

– Видите, насколько стереотип поведения укоренен в вашей психике, – размышлял Уэнлесс. – Вам не казалось это отвратительным, когда вам было двадцать месяцев. Тогда, если вам хотелось опростаться, вы это делали. Вы могли опуститься на колени у отца, если сидели там, а вам приспичило. Суть эксперимента Демона, капитан Холлистер, состояла в том, что большинство из них сделать в штаны просто не могли. Они понимали, что обычные нормы поведения там неприменимы, по крайней мере на время эксперимента; каждый находился в отдельном помещении вроде обычной уборной... но целых восемьдесят восемь процентов из них просто не могли этого сделать. Вне зависимости от того, насколько сильно им хотелось, поведенческий комплекс, внушенный им родителями, оказался сильнее.

– Ничего тут нет, кроме пустого любопытства, – отрывисто сказал Кэп.

– Нет, это не любопытство. Я хочу, чтобы вы продумали аналогию между обучением проситься и противопожарным обучением... и одну существенную разницу, которая состоит в качественном скачке между необходимостью совершать первое и второе. Если ребенок слишком медленно учится правильно совершать туалет, каковы последствия этого? Небольшие неприятности. В его комнате пахнет, если не проветривать. Мамаша прикована к стиральной машине. Приходится вызывать людей для чистки ковра, когда обучение все же закончено, и – самое худшее – у ребенка возникает постоянный зуд, а это может случиться только если у него очень чувствительная кожа или если мамаша не следит за ним. Однако последствия для ребенка, который может загореться... – Глаза его блеснули. Левый угол рта подергивался. – Я высоко оцениваю Макги как родителей, – сказал Уэнлесс. – Каким-то образом им удалось внушить ей, как вести себя с огнем. Насколько понимаю, им пришлось начинать воспитание задолго до того, как родители обычно начинают обучение личной гигиене; может, даже до того, как она начала ползать. «Детка, нельзя! Детка сделала себе больно! Нет, нет, нет! Плохая девочка! Плохая девочка!» Но ваш компьютер предполагает, что она преодолевает свой комплекс, капитан Холлистер. Для этого у нее все условия. Она дитя, и комплекс еще не затвердел в ней как цемент. К тому же с ней отец! Понимаете ли вы значение этого простого факта? Нет, не понимаете. Отец для нее авторитет. Он держит в руках все психологические нити каждого физиологического отправления девочки-ребенка; за каждым из них, словно невидимая фигура за ширмой, стоит его авторитет. Для девочки-ребенка он как Моисей; законы – это его законы, которые она должна выполнять, хотя и не знает, откуда они взялись. Он, вероятно, единственный человек на земле, который может освободить ее от этой тяжести. Наши комплексы, капитан Холлистер, всегда приносят нам самые большие муки и душевные страдания, когда те, кто наделил нас ими, умирают и уже недоступны для диалога... и сострадания.

Кэп взглянул на часы и увидел, что Уэнлесс находится у него почти сорок минут. А казалось, не один час.

– Вы уже заканчиваете? У меня другая встреча...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.